

ПЕТР ДРУЖИНИН

АНТИКВАРНАЯ

КНИЖКА

ОТ ДОДА
ТАЯ

ИЛИ ПОСОБИЕ

ДЛЯ КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ

И АНТИКВАРОВ,

А ТАКЖЕ ДЛЯ ВСЕХ ЛЮБИТЕЛЕЙ

СТАРИННЫХ КНИГ

Петр Дружинин

**Антикварная книга от А до Я,
или пособие для коллекционеров
и антикваров, а также для всех
любителей старинных книг**

«НЛО»

2023

Дружинин П. А.

Антикварная книга от А до Я, или пособие для коллекционеров и антикваров, а также для всех любителей старинных книг / П. А. Дружинин — «НЛО», 2023

ISBN 978-5-44-482175-1

Никогда прежде эта таинственная область не имела подобного описания, сколь правдивого и детального, столь увлекательного и захватывающего. Автор книги, один из ведущих российских экспертов в области антикварных книг и рукописей, откровенно раскрывает секреты мира книжного собирательства и антикварной торговли, учит разбираться в старинных книгах и гравюрах, уделяет особое внимание наиболее серьезной проблеме современного антикварного рынка – фальсификатам книг и автографов и их распознаванию. Книга эта станет настольной для коллекционеров и антикваров, с интересом будет прочитана не только историками и филологами, но даже криминалистами, и окажется увлекательным non-fiction для всех любителей старых книг. Петр Дружинин – крупный коллекционер, профессиональный историк, старший научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

ISBN 978-5-44-482175-1

© Дружинин П. А., 2023
© НЛО, 2023

Содержание

Предисловие	6
Антикварная книга	9
Аукцион	11
Библиографическое описание	24
Библиографические пособия	26
Библиотека личная	29
Библиотека государственная	32
Библиотечные печати	36
Библиофилы	50
Библиофильские издания	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Петр Дружинин
Антикварная книга от А до Я,
или. Пособие для коллекционеров
и антикваров, а также для всех
любителей старинных книг

*Посвящается
моим учителям и наставникам
в книжном деле*

*Георгию Александровичу Абакумову
(9 сентября 1933 – 11 июня 2011)*

*Александре Алексеевне Гусевой
(24 ноября 1945 – 18 декабря 2019)*

*Карлу Карловичу Драффену
(7 июня 1936 – 24 сентября 1999)*

*Михаилу Елиазаровичу Кудрявцеву
(23 августа 1940 – 15 октября 2004)*

*Артуру Павловичу Толстякову
(31 марта 1938 – 28 марта 2014)*

Предисловие

Что знает обычный человек о мире антикварной книги? Самая нейтральная информация, которая долетает до его ушей, сообщает ему, что опять за сумасшедшие миллионы в Лондоне или Нью-Йорке продана древняя книга или старинная рукопись. Новости о безумных приобретениях бледнеют на фоне более тревожных известий: похищен драгоценный кодекс, где-то задержаны таможеней контрабандисты с фолиантами в золоченых переплетах, и вот доблестные органы добра и правды обезвредили банду библиотечных воров, направляемых известным коллекционером.

То лишь буффонада, которая разыгрывается на авансцене огромного старинного театра, и суровый суфлер строго следит за тем, чтобы актеры не сказали ничего лишнего. Поэтому мало кто догадывается, что расшитый золотом занавес, который отделяет основную сцену антикварного мира от авансцены и ярусов зрительного зала, скрывает много больше, чем даже можно себе представить.

За ним – именно что целый мир. И этот занавешенный мир никогда не будет показан обычным людям. Никогда зритель не узнает его тайного устройства, никогда не сможет, затаив дыхание, наблюдать за идущими там кровопролитными поединками между Монтекки (антикварами) и Капулетти (коллекционерами). Только время от времени, когда злые и безжалостные молоточки (следопыты органов правопорядка) начинают яростно колотить по всем колокольчикам этого городка в табакерке, доносятся из-за занавеса мелодичные отзвуки неожиданного переполоха.

Как же заглянуть внутрь этого мира? Как узнать, что скрывается за занавесом? Как заполучить то заветное конопляное зернышко, которое позволит его обладателю ответить на любой вопрос? Ответ: никак, никогда и ни при каких обстоятельствах. Ведь стяжательство и скрытность есть главные черты жителей городка в табакерке, и потому они крепко хранят свои секреты, унося их в могилу и передавая лишь самым доверенным лицам. На праздные вопросы любопытных они обычно отшучиваются: «Вы что, нет никакого тайного мира, нет секретов – глупости это! Просто занавес не работает...»

Но порой случается, что кто-то из подземных жителей, проведя там десятилетия, нет-нет да и устанет от оков секретности и, немного не дотянув до той минуты, когда должен унести все свои тайны в могилу, заговорит. Таков и автор этих строк, который решился на coming out (в архаичном понимании этого выражения), чтобы приоткрыть хотя бы немного тот тяжелый завес и дать читателю подсмотреть одним глазком в щелку. Вероятно, многое будет для читательского глаза и ново, и небезынтересно.

Не хочется думать, что наш поступок есть предательство профессии, хотя бы и добровольно нами оставленной. Мир вокруг нас меняется, меняемся и мы сами, как бы этому ни противились. Минули те времена, когда мастерство антиквара, как любое тайное знание, передавалось из поколения в поколение вместе со всем семейным делом: скопленным за жизнь запасом книг и прочих сокровищ профессионального торговца древностями. Коллекционеры, которые, в сущности, занимаются той же торговлей, просто покупают больше, нежели продают, заботились о наследниках сильно меньше: они старались еще при жизни устроить свое детище, чтобы после смерти не было мгновенно пущено по ветру все то, что доставляло им столько наслаждения.

Сегодня почти нет наследственных профессий, кроме разве что совсем далеких от нашей области, потому и тайны нашего мастерства уже никому не передаются – детям они не нужны, потому что ремесло антиквара лишилось былой привлекательности. Слишком долгого обучения требует эта романтическая профессия, которая к тому же становится все опасней и опасней. Поэтому каждый вступающий по собственному призванию в мир антикварной книги не

только обрекает себя на тернистый путь, но и проходит свое обучение с нуля, обычно самостоятельно, методом многих проб и еще большего числа ошибок. Опыт, нажитый десятилетиями, никуда и ни в кого не будет вложен – он умрет вместе с человеком и вылетит дымом в трубу крематория.

Но и это не самое печальное – сегодня мир антикварной книги заполнили те, кто безоглядно ищет быстрого, а желательно и мгновенного обогащения – *get rich or die trying*. Это биороботы, которые не только не читают книг, но даже пишут с ошибками, а главное их призвание – фальсификаты и жульничество. Они формируют новую реальность антикварного рынка, превращая его в место встречи тщеславия с жадностью, спеси со скопидомством, героев Гоголя с героями Достоевского. Если вы все-таки не утерпите и рискнете войти в этот мир, то довольно быстро увидите, как эти люди действуют и насколько успешно достигается ими цель надуть всякого туда входящего.

Можно быть уверенным, что после этих строк кто-то спросит: а что же собственно такого таинственного в профессии антиквара или в призвании коллекционера? Ведь есть учебники и пособия; в конце концов, его величество Интернет, разве он не сможет научить всех всему и сразу? Неужели нельзя поточно обучать антикваров, как бухгалтеров или юристов?

Но трудно научиться по учебникам, написанным людьми, ничего не смыслящими в предмете, которому они пытаются научить других. Однако причина не только в том, что авторы этих учебников – «великие пустомели, которые говорят много времени, а не сообщают ничего кроме безделиц». Важнее то, что сама идея учебника для антикваров и коллекционеров вряд ли осуществима: можно составить пособие для начинающих книговедов, для историков, но все-таки антикварная торговля – не научная дисциплина, а скорее ремесло. Вся она покоится на многочисленных неизреченных правилах и секретах, которые невозможно превратить в учебник.

Это ничуть не удивительно и даже естественно для творческих профессий. Вряд ли можно ожидать, что литературные курсы превратят господина N в большого писателя, а освоение самоучителя игры на фортепиано сделает госпожу NN незаурядной пианисткой. Для успешной карьеры потребуется некоторый набор исходных качеств, и желание – важная, но отнюдь не единственная составляющая. Тут необходимы и природное дарование, и раннее обращение к избранной области, и многолетний упорный труд, и, безусловно, тот человек, который не только захочет вас учить, но и сумеет это сделать.

В нашем случае возникает еще одна трудность: мир антикварной торговли и коллекционирования не слишком склонен к идеям благого просвещения. Сложно представить, как некий счастливый мэтр похлопывает восторженного юношу по плечу и восклицает: «Вот каков мой ученик!» На деле антиквары по собственной воле не станут никому открывать секретов своего мастерства. Причина очевидна: любой ученик вскоре станет вашим же конкурентом. Если же он талантлив, то будет еще горше: не исключено, что вас посадят в лужу на глазах у всех. Таков многовековой закон антикварного мира.

Так что перед вами, конечно же, не учебник. Это лишь начальная грамота, которая, смеем надеяться, окажется весьма полезной не только уже вошедшим в этот закрытый мир, но и будущим антикварам и коллекционерам. Равно же и тем ценителям антикварной книги, для кого она всегда обладала таинственной и притягательной силой.

Оговорим, что большая часть жизни автора в мире антикварной книги прошла в компании с А. Л. Соболевым, так что местоимение «мы», которое в традиции русской научной литературы обычно относится к первому лицу единственного числа, то есть к самому автору, в этой книге в значительной мере может относиться и к первому лицу множественного числа, то есть подразумевать Петра Дружинина и Александра Соболева вместе.

От себя лично добавим, что мы благодарны А. Л. С. за те замечания, которые были высказаны им по прочтении рукописи настоящей книги, что помогло нам избежать несколь-

ких небольших, но от того не менее досадных ошибок. Иллюстрации для настоящего издания предоставлены «Музеем книги Петра Дружинина и Александра Соболева», а также фотоархивом автора.

Москва, 9 февраля 2022 года

Антикварная книга

Подступаясь к нашему рассказу, для начала следует растолковать, что же собой представляет тот самый предмет, название которого красуется на обложке этой книги. Однако мы сразу столкнемся с туманностью и непредсказуемостью трактовки этого словосочетания, что отражается и на всех сферах, которые занимает антикварная книга: истории, культуре, торговле etc.

Что же такое «антикварная книга»? Понятие «антиквариат», ранее также довольно размытое, в недавнем прошлом обрело в России четкие временные границы. Это случилось 30 мая 1994 года: именно в этот день весь антиквариат, наперекор толковым словарям, получил, говоря процессуальным новоязом, свою квалификацию: «*Под предметами антиквариата понимаются культурные ценности, созданные более 50 лет назад*». Этим откровением, с одной стороны, первый президент России, подписавший указ, переводил как себя самого, так и значительную часть населения новой России в категорию «антиквариата», с другой стороны, введением категории «культурных ценностей» отнюдь не помогал в конкретизации понятия «антиквариат».

То есть, согласно закону, любому массовому изданию для получения звания «антикварной книги» должно исполниться всего лишь 50 лет (даже автор, приближаясь к этому порогу, ощущает, что маловато, – увеличили бы «возраст» хотя бы до 100 лет). Но, повторимся, чтобы стать антиквариатом, любая печатная продукция должна обладать еще и «культурной ценностью». Вот где открывается еще более широкое поле для спекуляций – в определении понятия «культурная ценность» и присвоении данной категории предметам, перешагнувшим полувекковой рубеж.

Здесь, по отечественной пословице, «куда повернешь – туда и вышло». С одной стороны, вольная трактовка сама напрашивается: задумаешься ли об «Апостоле» Ивана Федорова, который сохранился в немногих десятках экземпляров, или же вспомнишь речь Жданова об Ахматовой и Зощенко 1946 года, напечатанную тиражом в два миллиона экземпляров, которая прошла смерчем по отечественной культуре. Но поскольку речь в законе не о тираже, а о культурной ценности, то уж проще всё считать таковой, чем рискнуть своей биографией и опрометчиво подумать нечто вроде: «Ну какая это к черту культурная ценность? Макулатура!»

Таким образом, с формальной стороны антикварной может быть абсолютно любая книга, перешагнувшая пятидесятилетний рубеж. А если кто-то скажет, что это не так, и заметит мудро, что книга должна представлять собой культурную ценность, рассмейтесь ему в лицо. Для опровержения этой самоуверенной мысли достаточно взглянуть, какую труху таможенные службы именуют «ценными антикварными изданиями» и с завидным постоянством реквизируют у граждан, почему-то решивших пересечь границу с книгой, «которая была у бабушки». Становится горько, когда думаешь, что теперь эту ветошь, изъятую в пользу государства, передадут в музей (обычно при огне софитов и вспышках фотокамер), а несчастный музей должен будет потратить на реставрацию такой «культурной ценности» гору средств. А ведь их можно было бы употребить на реставрацию истинных культурных ценностей, которые имеются в фондах этого же музея в изобилии. О том, что ждет перевозивших бабушкино наследство граждан в соответствии с действующим Уголовным кодексом, мы и вовсе умолчим.

Если же мы оставим формальную и процессуальную стороны вне рамок нашего рассказа, то и понятия «антиквариат» и «антикварная книга» обретут для нас иной смысл, как для посвященных в предмет обретают смысл слова, вызывающие у непосвященных лишь недоумение. Нет, не противоположный смысл, ведь мы пишем эту книгу не ради ниспровержения устоев, но уж точно не такой, каким наделили эти понятия не слишком искусственные российские цивилисты.

Итак, само понятие «антиквариат», что нам довольно приятно здесь написать, происходит совсем не от «antique» – древность, а от «antiquaire» – торговец древностями, то есть антиквар. И в этом этимологическом наблюдении кроется колоссальный внутренний смысл самой природы явления под именем «антиквариат», а для нас – и замечательная характеристика той области, которую мы знаем и любим. То есть антиквариат – это не просто некая древность (от шедевров античности и возрождения до хлама и старья с антресолей), а лишь то, чем не погнушались торговать специальные люди – антиквары. И согласно с этимологией именно эти люди, а не «эксперты по КаЦэ» (культурным ценностям) и прочие специалисты с дипломами и допусками или без оных в конце концов и определяют само понятие «антиквариат» и наполнение его конкретными предметами.

Сразу скажем, что в пору формирования понятия «антиквар» старыми вещами занимались не одни только антиквары, поскольку их всегда было не слишком много. Наиболее распространены были брокантёры разного уровня и профиля, а уже за ними – целая вселенная старьевщиков разного извода. Эти профессиональные разновидности также занимались торговлей старыми вещами, содержали лавки, были завсегдатаями толкучих и прочих рынков. Но вернемся опять к этимологии: торговали они отнюдь не антиквариатом, а более посредственными предметами. Книгами в данном социуме ведали букинисты – они были сродни брокантёрам, но имели свою специализацию – подержанные и старые книги, рукописи, реже эстампы.

Букинисты могли иметь свою лавку, но чаще были «холодными»: на лавку накоплений не доставало и свой товар они хранили дома и работали по принципу «волка ноги кормят». Страта старьевщиков также включала книжников, но еще менее рафинированных, нижнюю ступень этой профессии занимали помоечники. Последние, порой не беспричинно, ищут в мусорных баках жемчужину, которую кто-то счел хламом и вынес на улицу. Некоторым из них, наверное, везет. Автор, идя порой по улицам старушки Европы, нередко задает себе один и тот же вопрос: если сейчас по пути встретится контейнер для отходов с виднеющимися там старинными бумагами или книгами, то нырнет ли он в этот контейнер? И сам себе отвечает: да, безусловно. А если он будет с дамой или коллегой из местного университета? Увы, тоже, хотя и после недолгих колебаний. Природа любителя древностей как охотничий инстинкт у собаки – контролю почти не поддается.

Вторая половина XX века сильно отразилась на ремесле торговца старыми книгами – старьевщики почти повывелись (хотя помоечники остаются до сего дня), букинисты же выдают себя за антикваров, но не слишком изысканное наполнение их лавок порой заставляет подумать о том, что такого «антиквара» стоило бы назвать скорее старьевщиком.

Новые технологии за последние пару десятилетий сильно изменили пейзаж интересующей нас области, и обычная букинистическая торговля в основном находится в стадии агонии, напоминая нам магазин пишущих машинок в компьютерную эру. Антикварная же торговля требует и знаний, и кругозора, и понимания предмета. Хотя, скажем честно, на нашей памяти и совершенно безмозглые индивидуумы осваивали эту профессию: наглость вполне заменяла им знания, а владение лестью приносило знакомства и, следовательно, спрос. Покупатели, впрочем, у них были столь же недалекими, поскольку природа требует гармонии даже в таком деле, как антикварная торговля.

Таким образом, употребляя словосочетание «антикварная книга», мы подразумеваем под этим понятием объект интереса именно *антикваров*, который, соответственно, является и предметом страсти *коллекционеров* (не путать с книголюбями). Эти две популяции и формируют интересующий нас микромир, который именуется «антикварным рынком» в широком смысле этого слова, а в нашем случае – зовется антикварной книжной торговлей. К этой же области традиционно относятся рукописные книги, а также и автографы, которые могут быть как на книгах, так и в виде отдельных предметов – писем, рукописей, официальных документов и так далее.

АУКЦИОН

Аукционы антикварных книг и рукописей случаются в России с XVIII столетия: первоначально как простейший путь реализации выморочного имущества, а позднее – как специализированный институт антикварной книжной торговли. Выделим трех главных участников этой торговли: покупатель, посредники, продавцы.

Попытаемся охарактеризовать феномен антикварных книжных аукционов и рассмотрим его с нескольких точек зрения, разделив практику советских лет, практику западного мира и практику сегодняшнего российского дня. В целом постараемся в меру сил дать понять, кому именно выгодна или невыгодна такая форма антикварной торговли.

В советское время книжных антикварных аукционов в традиционном смысле не существовало. Бытовали аукционы в комиссионных антикварных магазинах: на Фрунзенской набережной продавалась мебель, на Октябрьской площади с молотка шли предметы декоративно-прикладного искусства, и, наконец, в комиссионном на Смоленской набережной продавались живопись и графика. Во всех случаях перед тем, как предмет выставлялся на публичные торги, государственные музеи рассматривали его для своей коллекции, и, если предмет представлял музейный интерес, до торгов он не доходил.

Именно по этой причине официальный рынок, например в области живописи, сформировал даже специальный тип доступного коллекционирования советской эпохи – так называемые профессорские картины. Что это такое? Это живописный этюд, станковый рисунок или графический эскиз среднего, а чаще небольшого размера, принадлежащий кисти или карандашу известного художника. Несмотря на знаменитого автора, произведение обычно весьма далеко по качеству (и еще более – по размеру) от того, что можно видеть в залах Третьяковской галереи или Музея изобразительных искусств имени Пушкина. Название же «профессорский» этот тип получил потому, что именно такой уровень произведений был доступен так называемой «советской интеллигенции», которая после попыток Сталина создать свою атомную бомбу присоединилась по уровню доходов к советским артистам и писателям и неожиданно оказалась едва ли не самым высокооплачиваемым слоем страны. Профессура, особенно техническая, а также творческая элита активно покупали такие небольшие полотна и этюды известных мастеров – все-таки выбор для вложения денег был не слишком велик в те годы, да и тяга к прекрасному живет в человеке вне зависимости от политических режимов. Такие произведения живописи и графики, как и неплохой фарфор первой половины XIX века и книги из сегмента «толстых обоев» (см. соответствующую главу), начиная с энциклопедического словаря Брокгауза — Ефрона, были обязательной составляющей интерьера профессоров, академиков и прочих обладателей квартир на улицах Горького и Чайковского, Котельнической и Фрунзенской набережных, площади Восстания и подобных им «рублёвок» советской эпохи.

Поскольку действительно ценные предметы частному лицу купить в магазине или на аукционе было невозможно, то существовала торговля между коллекционерами, деликатно именуемая «обменом». Но самый богатый источник формирования коллекции – это приобретение всего собрания или отдельных предметов (картин или книг) у наследников собирателя, пока одр еще не остыл. Именно поэтому вокруг известной старой коллекции всегда «нарезают круги» многочисленные охотники до выморочного имущества: как государство в лице музеев, так и разного вида и моральных качеств коллекционеры, желающие «помочь» наследникам.

По указанным причинам в советское время аукцион был хорош только для тех, кто пытался продать товар среднего качества, – шедевры отбирались государством на законных основаниях. Владелец сдавал предмет на аукцион, затем собиралась раз в неделю экспертная комиссия при участии представителей крупнейших музеев и определяла цену, а через некоторое время, не всегда короткое, счет владельца в Сбергательном банке СССР пополнялся

на определенную сумму. Редко эта сумма была в действительности эквивалентом ценности предмета, но апеллировать было не к кому – скажите спасибо, что вещь не забрали как выдающийся памятник. Государство усердно эксплуатировало свое исключительное право первой руки, используя комиссионные магазины или аукционы для пополнения собственных собраний, помимо традиционных закупочных комиссий, которые (как, возможно, и сейчас) работали при каждом музее.

Но, наконец, с крахом советского режима, на антикварный рынок стали «выплывать» и исключительные вещи: произошла не только либерализация торговли, но и само государство, монополист в прошлом, оказалось не в состоянии заплатить владельцам шедевров, которые теперь имели альтернативный путь реализации нажитого имущества. Инфляция играла на руку рынку – начиная с конца 1980-х цены постоянно росли, антиквариат становился и объектом вложения средств; в отличие от недвижимости и депозитов, инвестиции в антиквариат обладают важным достоинством – они не регистрируются и не поддаются финансовому контролю наряду с традиционными инструментами вложения средств. Еще один минус сделок с государственными музеями – долгое ожидание выплат в период роста валютного курса часто уполонивает первоначальную сумму. Мы и сами несколько раз погорели на этом. Особенно поучительной была продажа десятитомного «Общего гербовника дворянских родов», который мы в 1994 году уступили в музей «Вязёмы», но между оформлением закупки и ожиданием денег произошел «черный вторник». После этого мы уже старались не иметь дела с государством.



Обложка каталога первого аукциона новейшего времени (Москва, 11 апреля 1987)

И вот тут, когда деньги быстро превращались в необеспеченные бумажки, оставаясь лишь средством покупки товаров сиюминутного спроса, государство вдруг решило организовать букинистические аукционы. Конечно же, в качестве шага по «внедрению новаторских методов в советской торговле». «Первый Московский антикварно-букинистический аукцион» был проведен 11 апреля 1987 года силами магазина «Раритет», составителем каталога был В. И. Семиохин (Сэм), но формально это был аукцион объединения «Мосбуккнига». Предаукционная выставка книг была развернута в «Доме книги» на проспекте Калинина, а само мероприятие проходило в ЦДЛ при стечении публики и прессы. Первые букинистические аукционы были государственными, то есть проводились «Москнигой», «Ленкнигой» и прочими городскими книготорговыми объединениями. Однако прокатились они громким эхом по городам Союза: в 1987-м состоялись аукционы в Москве, Киеве, Харькове, в 1988 году – в Ленинграде, Горьком, Вильнюсе, Каунасе, Риге, Кургане, Брянске, Житомире, в 1989-м – в Саратове, Туле, в 1990-м – в Архангельске, Кишиневе... И это не исчерпывающий список мест, где новаторство получило свое применение.

Везде, особенно в столицах, все равнодушные отметили взлет цен по сравнению с хорошо знакомым нормативом букинистического прейскуранта. Собственно, существование официальных каталогов-ценников и привело к товарному голоду: мало кто захочет продать книгу за пять рублей, если на «толкучке» ей цена двадцать пять. Только лишь совсем неразборчивый человек; впрочем, такие люди – главный планктон антикварного рынка. И хотя здесь также местами был «внедрен новаторский метод советской торговли», в согласии с которым в букинистах появились «отделы книг по договорным ценам», шедевров там было немного.

Аукцион, как нам кажется, и хорош только тогда, когда торгует не рядовыми книгами, а изданиями, которых нет в открытом доступе. На излете советской эпохи репертуар букинистических магазинов, как мы его помним, был довольно специфическим: действительно редких и ценных книг там практически не встречалось, разве что под прилавком, а вот «средняка» было во сто крат больше. И всегда имелся ящик с отдельными томами многотомников XVIII века: «Всемирного путешественника», «Древней российской вивлиофики», «Деяний Петра Великого», «Истории российской коммерции» и так далее. То есть действительно редкости на прилавок просто не могли попасть: в магазины населением они, конечно же, приносились, но продавал их товаровед в комнате приемки, причем с обязательным отчислением себе премии сверх суммы, которая была написана на книге.

Аукционы, начавшиеся в 1987 году, проводились редко, внимание к ним было велико. Да и само слово «аукцион» было окутано легендами. Ведь ассоциировались они у обычного человека ни в коем случае не с Ильфом и Петровым, а исключительно с Диккенсом, когда по милости судьбы вы внезапно могли разбогатеть.

В нищей стране (хотя можно и иначе: в богатой стране, где большинство граждан нуждаются в пище и одежде) подобные спектакли всегда пользуются большим успехом. Пресса, радуясь возможности переключиться с обзора ударных комсомольских строек или восхваления плодородных степей Крыма, активно начала рекламировать неожиданные события, тем самым только увеличивая ажиотаж. И в результате многолетней агитации со стороны СМИ стало аксиоматичным, что только на аукционе можно продать книгу или вообще ценную старинную вещь без посредников конечному покупателю по максимальной цене. То есть аукцион и только аукцион мог гарантировать максимальную ставку. Звучит заманчиво, правда? И на эту приманку всегда было много охотников.

Но перейдем от мифов к настоящим аукционам, которые нам пришлось повидать, и посмотрим, как они были устроены. Сразу нужно сказать, что нет аукциона или магазина, который бы долгие годы имел неизменный рейтинг. Как и всякое коммерческое предприятие, аук-

ционная фирма также эволюционирует, притом прогресс или регресс могут быстро сдвинуть ее позицию в неписаной табели о рангах вверх или вниз.

Давайте для начала обернемся в сторону Гринвича. На Западе, где аукционные дома были основаны двести-триста лет назад, они постоянно сменяют друг друга в рейтингах неискушенных сдаччиков и покупателей. Скажем, сегодня гремят названия аукционных домов Christie's и Sotheby's, а другие, менее крупные, часто вовсе неизвестны обычным людям. И речь идет не только о продаже с молотка антикварных книг. Есть некоторые области рынка, где эти колоссальные дома явно не первые – ведь, скажем, для покупки автографов ничем не хуже старейший немецкий J. A. Stargardt. При этом лет сто назад ни Sotheby's, ни Christie's не были лучшими в области антикварной книги – намного известнее были великолепные англичане Maggs Bros., которые выпускали лучшие в мире каталоги, продавали Библию Гутенберга и Codex Sinaiticus. А еще ранее – двести лет назад – Bernard Quaritch торговал в Лондоне той же Библией Гутенберга или первым фолио Шекспира, и его имя ассоциировалось исключительно с гигантскими суммами за знаменитые книги. К их чести сказать, Quaritch и Maggs до сих пор живы и уважаемы, но уже как просто надежные книготорговые фирмы.

Каждая фирма или аукцион имеют свою пору расцвета, свой звездный час. Но это касается цивилизованных обществ, где даже мелкая антикварная торговля имеет законное и устойчивое положение. Здесь нет страха, что придет полиция и станет обвинять в торговле оружием, если на витрине выложена дуэльная пара начала XIX века. Здесь у большинства фирм многовековое имя и собственное помещение, а книжная антикварная торговля – семейное дело, переходящее по наследству вместе с огромным подвалом, набитым книгами. Антиквар-сын учится у антиквара-отца сызмальства, и ему не стыдно за свою профессию и нет риска прослыть «спекулянтom». Здесь не страшно делать большие вложения на многие годы.

Последние сто лет в России ничего из перечисленного не было. Ликвидация частной торговли большевиками уничтожила так много отраслей, что плакать об антикварной книге даже как-то неудобно. При советском режиме эта область оказалась вне закона, потому что плановое хозяйство хорошо лишь при откорме свиней, хотя и там нужны смекалка и гибкость. Что касается торговли антиквариатом, то мы наблюдали много раз, как владелец пытался превратить магазин или аукцион в дойную корову: предприятие быстро приходило в подобие скупки или ломбарда, товароведы разбежались или начинали воровать.

Свобода, ненадолго наступившая в сфере антиквариата после краха советского режима, дала одним глазком взглянуть на то, как должен выглядеть антикварный магазин. Это было интересное время, которое, впрочем, быстро закончилось: беспрецедентная строгость в деле учета комиссионного товара моментально ликвидировала значительную долю рынка. Переписывать ежедневно многие тысячи книг, приходовать каждую вновь купленную – дело неблагодарное и трудновыполнимое, особенно когда ты выезжаешь за целой библиотекой и привозишь сразу десятки коробок.

В 1990-х методика антиквара-букиниста была проста: товаровед выезжал за библиотекой. Всегда один, потому что взять с собой коробки – это примета вернуться с ними же, пустыми, назад. Поэтому нужно было сначала поехать посмотреть, сговориться о цене и только потом звонить водителю с коробками. Забирать книги предпочтительно было как можно скорее – наутро хозяин мог «передумать» и запросто продать их другому чуть дороже.

В тот же день или на следующий, в зависимости от темперамента, вы, чаще с напарником для объективности оценки, берете карандаш и занимаетесь «фуговкой», как некоторые близкие нам товароведы начали именовать это священнодействие. На большинстве книг – пишете цену, по которой они пойдут в продажу. Что-то откладывается в коробки с разными назначениями: «собираем» – отдельные тома многотомников, «реставрация» и «переплет». И отдельная стопка – «себе». Ведь большинство букинистов-антикваров прежней формации были собирателями, часто выдающимися.

Едва ли не главная проблема антиквара – затоваривание. Как верно сказал наш покойный коллега и друг Михаил Климов в своих «Записках антикварного дилера», где он цитирует вечную истину «купил – нажил, продал – попал», антиквары не особенно легко расстаются с предметами, за что их и постигает кара: «антиквар начинает с тысячей рублей в кармане и одной табуреткой, а заканчивает с тысячей рублей в кармане и тысячей табуреток» (за точность цитаты не ручаемся, но смысл примерно таков; вместо табуретки можно подставить любой предмет – книгу, картину, фарфоровую тарелку...). Но при гомерической инфляции 1990-х годов порой было трудно понять, насколько можно завышать цены, чтобы не отпугнуть покупателя, с одной стороны, и не продешевить самому – с другой. Так книжные аукционы оказались в 1990-х годах наилучшим способом продажи. Каталогов-ценников, которые в поте лица разрабатывали сотрудники Книжной палаты и Полиграфического института для букинистической торговли, уже никто не читал. Они сохраняли смысл только для уточнения числа томов в многотомных изданиях.

Цены на книги в те годы высчитывались исходя из спроса, а на редкие и футуристические издания – на основании результатов торгов западных аукционов. Это было откровением, когда в Англии, Германии или США русская книга вдруг оценивалась в несколько тысяч марок, долларов или фунтов, а то и продавалась за эту сумму. Вот тут-то сразу и становилось понятно, сколько можно за нее просить. Но были и проблемы, когда владелец чудом узнавал о таком прецеденте. Если такая же, как в его библиотеке, книга продавалась за 2500 долларов – он тут же выставлял цену 2300 или как минимум 2000. Нормальный человек, имеющий понимание о принципах книжной торговли и присущих ей сложностях, обычно довольствовался третью от средней или продажной цены. Но на Западе все-таки продавались единицы из огромного репертуара антикварной книги, а букинисты и книжники – народ жаднехонький. Как не продешевить? Как узнать «настоящую» цену?

И вот когда стало понятно, что магазинная торговля книгами невыгодна прежде всего самим антикварам и букинистам, в Москве организовались несколько постоянно действующих аукционов. Не будем говорить о петербургских – они просуществовали недолго и носили скорее характер «праздника книги», нежели процесса систематической торговли. В Москве же, после нескольких показательных государственных аукционов, в течение долгих лет сохранялось равновесие в виде двух постоянных институций. Первая – фирма «Акция», которая провела более сотни торгов за двадцать лет. Вторая – но не по качеству – букинист-эксперт М. Я. Чапкина (1951–2014), которая, вплоть до безвременной кончины, под разными вывесками и в разных местах устраивала аукционы, известные как «Машины».

Эти два главных игрока на рынке 1990-х имели значительные различия. «Акция» – удивительный продукт эпохи. Прежде всего, эта фирма была (и есть) одной из двух первых частных антикварных контор в нашей стране; почему «одна из», а не первая или вторая? Потому что два первых кооператива, а именно такая организационно-правовая форма была первым единственно возможным частным предприятием, оказались зарегистрированы в один и тот же день – 10 октября 1988 года. То были «Акция» и «Раритет».

«Акция» поначалу представляла собой непонятный торговый прилавок при Пресненском районном отделении общества книголюбов. Акциями там не торговали, но антикварные книги тогда котировались лучше всяких акций. Задумано это предприятие было инженером Михаилом Елиазаровичем Кудрявцевым (1940–2004), который впоследствии станет известным знатоком поэзии (потому как сам не был обделен этим талантом), коллекционером изданий и рукописей Н. Гумилева, и молодым тогда географом Борисом Михайловичем Э***. Последний, при всех своих разнообразных способностях, известен был тем, что в торговлю «не лез», а занимался только бумажной работой, попутно отбиваясь от желающих поучаствовать в прибыли, которые с настойчивостью, достойной лучшего применения, навевались в своих малиновых пиджаках на второй этаж неказистого особнячка в Калашном переулке. Если Борис

Михайлович представлял в этом дуэте начало экономное, то Михаил Елиазарович, которого по-доброму народ звал Елизарычем, был человеком широкой души и порой невиданной щедрости. Его жизненным девизом стала фраза: «Лучше жалеть о содеянном, чем об утраченных возможностях».

Тогда же они позвали постоянным товароведом Карла Карловича Драффена (1936–1999), который и проработал там более десяти лет, но поскольку формально не был совладельцем, то расставание стало неминуемым и, как бывает в подобных ситуациях, некрасивым. Этот триумвират сумел превратить лавку у Никитских ворот не просто в культурный центр, но в центр букинистической книги Москвы 1990-х. Начать им помог главный московский книжник рубежа 1980–1990-х – В. С. Михайлович, и вот в 1988 году застучал аукционный молоток. Происходило это действие практически ежемесячно в течение долгих лет в Доме медработника на улице Герцена (ныне это помещение перестроено под театр «Геликон-опера»). Торги вел сам М. Е. Кудрявцев, который особым изыском действия сделал представление книжных лотов. На сцену книги выносила его супруга, наряды которой на протяжении многих лет демонстрировали все своеобразие отечественной моды.

Главное же отличие аукционов «Акции» состояло в том, что львиная доля предлагаемых книг принадлежала самой фирме. Их антикварная торговля в 1990-х годах была обширна, и два-три раза в неделю во дворик у Никитских ворот приезжала груженная легковая машина с прицепом, из которого на второй этаж заносились десятки ящиков с книгами. После оценки часть откладывалась в особые коробки – на аукцион.

Принципом «Акции», как в общем-то и М. Я. Чапкиной, была специфическая система определения стартовых цен: они все были в пять-десять раз меньшими, чем цена предполагаемой продажи, постоянно подтверждая миф об аукционе как о чуде. Поддержание этого мифа – едва ли не залог успеха аукционного дома и аукционной торговли в принципе. Этому есть несколько важных причин, общих для такого способа торговли, но о них чуть позже. Так или иначе, вследствие подобной политики стартовых цен книги разлетались на ура, то есть «продавалось» 90–95%, за исключением единичных позиций, обычно взятых со стороны, – владельцы отказывались отдать их дешево, а взять устроителям эти книги на аукцион все-таки хотелось.

Доля книг от сторонних или дружественных владельцев была в первые годы «Акции» не более половины от примерно трехсот лотов, потому как важнее было продать свои книги, но одновременно и заработать что-то на чужих. «Что-то» – это не обязательно деньги, потому что те 20% комиссионных, которые забирала себе фирма, были ощутимы лишь при продаже очень дорогих вещей, а они нечасто доживали до торгов. Гораздо важнее было привлекать сдатчиков редких книг, чтобы одновременно с их хорошими книгами продать с успехом и собственные, менее привлекательные. Наиболее нудным делом, как тогда считалось, было составление аукционных каталогов. Основная работа библиографа по описанию книг для аукциона традиционно включала в себя неминуемый набор действий: указание выходных сведений, подсчет всех страниц, проверку комплектности иллюстраций, сверку по библиографическим справочникам и, наконец, печатание итогового результата на каталожной карточке. Затем, расставленные в алфавитном порядке, эти карточки отправлялись машинистке, а после нее – машинопись ехала в типографию и печаталась в срочном порядке. Главная проблема, как и ныне, – успеть все сделать максимально быстро, поскольку один аукцион следовал за другим, а каталог необходимо было напечатать как минимум за неделю. Описание книг в «Акции» с осени 1991 года всецело было возложено на плечи автора этих строк. В 1992-м ему впервые после фамилий М. Е. Кудрявцева и К. К. Драффена позволили написать свою, а вскоре, будучи добрыми и щедрыми учителями, они и вовсе оставили только фамилию их выученика. Именно описание нескончаемой вереницы книг, груда которых без всяких выходных дней ожидала на столе с машинкой в кособоком особнячке в Калашном переулке, и стало, надо полагать, главной школой нашего практического книговедения. Безусловно, тогда это не воспринималось большим

счастьем, но здесь уже нужно довериться судьбе, потому что если вы готовы учиться у книги, то книга сама займется вашим обучением.

Аукционы М. Я. Чапкиной, особенно на первоначальном этапе, когда они проходили в Доме архитектора, затем в ЦДЛ, а уже далее везде, разительно отличались от «Акции». Не только мягкими креслами, прекрасным буфетом (я о ЦДЛ), но и тем, что ее аукционы были, если так можно сказать, элитарными: проходили они намного реже, книги М. Я. описывала сама, притом с некоторым изыском, и самое главное – книги, как правило, внимательно отбирались. Обложки каталогам делал ее супруг, а вел аукционы искусствовед А. А. Савинов. Помнится, вел он их довольно резко, но уверенно, выработав некоторый стиль, контрастировавший с манерами устроительницы. При этом, конечно, это был едва ли не единственный ведущий книжных аукционов в истории новой России, который имел гуманитарное образование и гуманитарный кругозор: он никогда не путал ударений в фамилиях, не имел трудностей в прочтении слов и так далее. Мы акцентируем на этом внимание потому, что всем обратным обязательно отличается сегодня «профессиональный» аукционист. О сальных шуточках, которые ныне стали едва ли не обязательной приправой к аукционному молотку, речи в те годы и вовсе идти не могло.

Нам не довелось дружить с Марией Яковлевной – может, потому, что довольно рано мы с коллегой стали ей мозолить глаза, а может, просто не сложилось. Исторически автор этих строк был выучеником М. Е. Кудрявцева и К. К. Драффена, то есть все-таки представителем другого клана, хотя бы и дружественного (да и организационно обе эти «фирмы» были близки). К тому же после покупки нами на ее аукционе рукописи Е. Ю. Кузьминой-Караваевой с «обширными пометами неизвестного лица», в которых прозорливец А. Л. С. увидел руку А. А. Блока, а затем триумфальной продажи этой же самой рукописи уже на нашем аукционе за баснословную цену в Российскую национальную библиотеку – о дружбе помышлять было как-то и неудобно.

Но старые московские коллекционеры, да и многие профессиональные книжники, буквально благоговели перед ней, перед ее вкрадчивым тихим голосом, перед мягко стелящей манерой общения. Кроме того, было очевидно, что Мария Яковлевна не была жадным человеком. Последнее – скорее исключение в антикварном мире. А еврейская кровь, столь важная составляющая в мире книжников и антикваров, была в ней органичной, так что даже по этому признаку старые коллекционеры любили ее еще больше (а, скажем, М. Е. Кудрявцева почему-то не жаловали). К тому же Мария Яковлевна сама собирала, что раньше было важно для сдатчиков, потому что коллекционер, расставаясь с книгой, должен был видеть перед собой не алчного товароведа, а единомышленника и потому помощника. И хотя Мария Яковлевна коллекционировала преимущественно открытки и листовые издательства, в целом она хорошо разбиралась в книге, едва ли не единственная из всех настоящих книжников имела профильное образование и проработала на излете советского строя товароведом в букинистическом магазине. Помимо нее разве что И. А. Каменский смог стать настоящим книжником-антикваром, имея такой диплом.

Формировала Мария Яковлевна свои аукционы в основном из книг реальных сдатчиков, отбирала тщательно, описывала по-женски нежно, указывая симпатичные детали, например «отметки первого читателя книжки цветными карандашами» и тому подобное. Кроме того, главные вещи аукциона – а такие должны быть всегда и, безусловно, у нее были – почти всегда доживали до торгов и продавались дорого. Наверняка, как и каждый книжник, Мария Яковлевна ставила в каталог и свои книги, и книги коллег: у нее был некоторый «клуб», куда входили титаны антикварной книги М. Н. Константинов, С. И. Самойленко, а также покойные ныне знаток плакатов А. Е. Снопков и изысканный собиратель В. В. Волков. Но у нее на аукционах никогда не было понятно, какая книга ее, а какая нет. В «Акции» же это удавалось понять при чтении каталога практически сразу, потому что некоторые лоты никто у сдатчиков никогда бы не взял даже в подарок.

Торги на книжных аукционах, как и на антикварных аукционах вообще, довольно театральная процедура. Наивному зрителю все там кажется всамделишным – воистину «передним краем антикварной торговли», но такие граждане до сих пор верят и в непредсказуемость прямого эфира на телевидении. Если вы устраиваете торги, необходимо правильно подготовить сценарий действия и распределить роли: нужны люди, которые бы могли создавать видимость торговли, даже если претендентов нет – ничто так не убивает атмосферу в аукционном зале, как снимающиеся с торгов лоты. С организацией электронных аукционов видимость торговли создается еще легче. Важно создать в зале атмосферу легкой эйфории (вспомним игру в наперстки, когда нужно спровоцировать нерешительного вступить в игру), благодаря которой гораздо легче достичь цели мероприятия: как минимум не позволить книгам уйти дешевле цены, за которую устроители готовы их отдать, а как максимум – столкнуть лбами двух состоятельных и честолюбивых покупателей.

В «Акции» достижение требуемых цен достигалось довольно просто – в зале сидел Карл Карлович или другой сотрудник фирмы, обычно А. Г. Л*, а нередко и автор этих строк, и поднимал аукционный номер. В те годы сразу было ясно, в чем дело, и постоянные покупатели порой громко выражали свое недовольство. Насколько это могло быть громко, упоминал еще классик жанра М. М. Климов, повествуя о В. И. Симеохине (Сэме) или В. В. Ч* (Перебей-Носе). Поскольку в 1990-х годах существовала практика заявок и от частных лиц, и еще чаще – от библиотек и музеев, доподлинно нельзя было понять, «тянет» ли известный всем персонаж или действительно стремится купить, — можно было только предполагать. Несомненно, всегда был человек или даже группа людей, которые «тянули» нужные устроителям лоты, разогревая зал и одновременно доводя выставленные книги до «резервной» цены, после которой книгу можно было отдать реальному покупателю.

Когда наступила эра мобильных телефонов и возможно было принимать звонки от жены как будто бы от состоятельного клиента, то стало еще сложнее отличать реальные заявки и реальных покупателей от сидящих в зале подставных «тянушек». На эту роль, если предстояло создать подлинный театр, устроителям всегда было нелегко найти подходящего претендента – требовался человек, незнакомый в книжной среде, желательна солидная внешности, готовый общаться с книжниками, которые слетались как мухи на мед и, невзирая на мероприятие, прямо в зале подсаживались к такой «тянушке» и предлагали «то же самое, только дешевле и в лучшей сохранности».

Порой возникали явные конфузы: однажды милейший из собирателей (и умнейший из физиков) А. С. С*** не смог прийти на аукцион – то ли принимал экзамен, то ли уехал в командировку. И на торги пришла его жена Ольга Александровна с малолетним сыном. И вот сидит красивая дама на антикварном аукционе, рядом елозит мальчик. Для обоих – необыкновенный опыт, волнение и эйфория. При этом она довольно уверенно поднимает вверх свой номер, но без размышлений и колебаний, свойственных в таких случаях коллекционеру. Это и понятно: у нее на поле каталога написаны цифры, до которых ей торговаться, – хотя, скорее всего, она предпочла бы приобрести это все гораздо дешевле, а лучше бы купить нечто более полезное, чем старая книга. Заметим между строк, далеко не каждый книжник вообще доверит жене покупку книг, а уж тем более на аукционе. Но она строго следовала цифрам, написанным на полях каталога. И конечно же, видя Ольгу Александровну впервые, зал решил, что она «тянет». Начался почти скандал, дело дошло до шиканья и грубостей в ее адрес. В общем, больше Александр Сергеевич в этот микромир жену одну не отпускал.

Глядя на такое мероприятие, сторонний человек никогда не поймет, кто «тянет», а кто покупает. Он никогда не узнает, была ли оплачена покупка или же вернулась сдатчику или на полку магазина. Для профилактики таких игривостей в некоторых странах законодательством запрещено разыгрывать буффонаду – продажи на аукционах должны быть реальными. При этом бывают и произвольные конфузы: покупатели в угаре поднимают цену до небес, а потом

не оплачивают – заносчивые богатеи имеют скверную привычку «передумать», «забыть, что книга такая у них уже есть» и тому подобное. Аукцион в таком случае мог бы отказать такому умнику навсегда участвовать в торгах, но это увы несбыточно: мало кто посмеет отвадить состоятельного покупателя.

Безусловно, если ты сдатчик или устроитель аукциона, немаловажно знать, кто на предаукционной выставке какие предметы смотрел и что при этом говорил, насчет каких книг советовался. А уж если на выставку являлся десант сотрудников Библиотеки имени Ленина, чтобы посмотреть «редкое тамбовское издание» или нечто подобное, то, конечно, им приходилось потом побороться за такую редкость с Карлом Карловичем. То же происходило и с другим постоянным покупателем тех лет – Академией И. С. Глазунова, которая обильно закупала антикварные издания по искусству, предварительно рассматривая их на выставке. И хотя Илья Сергеевич мог быть не слишком щедрым в собственных покупках, на свое детище он не скупился никогда.

Кроме того, когда книга редкая и дорогая, а устроителям самим выкупать эту книгу не хочется, им важно не допустить сговора покупателей – система эта была красочно описана М. М. Климовым. Ведь когда два дилера знают, кому книгу потом продать, они лучше купят ее «на двоих», а потом поделят прибыль. Или один другому даст «отступного», чтобы не вступать в никчемную борьбу и не покупать книгу по максимальной цене. Бывало немало ситуаций, когда пытались заранее поделить, что кому. Даже возник термин «вязка»: книгу покупали несколько человек и затем решали, кому она достанется и сколько ее окончательный покупатель должен дать коллегам «отступного». Но, признаться, и в 1990-х годах на практике я такого почти не встречал – с книжниками всегда настолько сложно договориться, что лучше или покупать самому, или уж плюнуть.

Однако часто я видел случаи, особенно распространенные среди постоянных участников торгов, когда один из них громко обращался к сопернику: «Ну мне надо, отдай уже!» – и в ряде случаев он тем самым останавливал взлет цены. В другой раз он уступал кому-то сам, но в результате – теряла аукционная фирма и владелец. Скандалы, которые устраивали некоторые книжники на аукционах, – особая тема. Сейчас же, когда покупатель сидит не в зале, а у ноутбука, – дело не столь просто, но и здесь, говоря словами А. Л. С., «вода дырочку найдет».

Конечно, бывали случаи, когда цены взлетали сильно – уж когда-нибудь да должен аукцион показывать свой нрав. И все-таки это исключительно редкое явление, потому что за баснословную сумму почти никогда не продаются лоты нестоящие или случайные, а прежде всего первоклассные редкие книги или рукописи, которые и без того дороги, но насколько – можно только предполагать. Вот тут-то аукцион оказывается очень кстати, тем более что именно там чаще всего формируются внешняя сторона антикварной торговли и представление о «настоящих» ценах. Для книг среднего уровня аукцион остается лишь способом побыстрее их сбыть за дилерскую цену, которая почти всегда будет больше той, которую дадут в антикварном магазине, но и в разы меньше цены, за которую ее потом там же поставят в продажу.

Некоторые книги можно было выкупить до торгов. Делалось (и делается) это по разным причинам: устроители решали оставить предмет в своем собрании или находился покупатель до начала аукциона, с которым удалось договориться о годной цене. В 1990-х годах бытовал способ – возможно, он существует и до сего дня, – который назывался «продать по второй цене». Дело в том, что при сдаче книг на аукцион всегда заполнялась сохранная или комиссияная квитанция (ныне, наверное, это зовется договором). В этой квитанции должны быть указаны стартовая цена книги и комиссионный процент. Стартовая цена специально занижалась – «это для разгона, она, конечно, возрастет», – однако существовала и вторая графа, где фиксировалась цена продажи предмета до аукциона. Обычно она была кратно больше стартовой, к тому же, если книга пропадала с предаукционной выставки (а такие прецеденты, честно говоря, случались), сдатчик получал фиксированную страховую сумму. 95% сдатчиков опре-

деляли «вторую цену», которая была одновременно комиссионной ценой продажи. Она была не всегда низкой, да и устроители аукциона не слишком стремились продать все до торгов – все-таки и каталог должен привлекать внимание. А уж продажа до торгов, когда в самый день аукциона объявляется, что «лот снят без объяснения причин», оскорбительна по отношению к постоянным покупателям и формирует скверное реноме антикварной конторы. На реноме, впрочем, в нашей стране было всем решительно наплевать. К тому же это был законный способ, хотя бы и дорого, купить книгу, минуя аукцион.

Особенно это важно было тогда, когда «самоходом», то есть обычным сдатчиком с улицы, приходила книга, которая появляется лишь раз в жизни. Естественно, она гарантированно продавалась по «второй цене» и ни в какой каталог не попадала. Кроме того, не знаю, как ныне, а в 1990-х годах бывали такие покупатели, которые настойчиво стремились приобрести книгу на предаукционной выставке, и отказать им было нельзя (времена были иные). Да, порой они платили немало, хотя и щедрость их имела границы.

Отвлечемся и скажем, что механизмы продажи книг аукционными домами помимо открытого аукциона ныне практикуются во всем мире. Это имеет и объяснение. Обычная ныне практика, когда в среднем 10–20% от цены молотка берется с продавца, а 15–20% с покупателя, – вполне дает возможность аукционам зарабатывать свои 25–40% с предмета, ничуть не рискуя и не вкладываясь. Отсюда мириады аукционов сегодняшнего дня, потому что кроме смартфона для фотографирования книг порой ничего и не требуется. Но и это довольно быстро надоедает: все-таки нынешний антиквар представляет собой создание более сложное, чем товаровед областного букинистического магазина, и роль его больше, чем у Фирса, хоть и тоже невыдающаяся. В то же время он и не коллекционер, поскольку предметом собирательства у него являются только денежные знаки. Да и владелец аукционного дома довольно быстро перестает радоваться такому проценту заработка – все-таки антикварный мир традиционно (веками) живет не процентами с продаж, а продажами, как говорили в 1990-х, «в несколько концов», то есть покупкой книги за десять рублей и продажей за сто или тысячу.

Как раз поэтому в западном мире при крупных аукционных домах возник институт персональных продаж. Под видом лучшей цены аукционный дом без всякого аукциона предлагает вашу «супервещь» своему «суперпокупателю», который де «на аукционах не покупает, потому что боится публичности» (байки подобного извода общеизвестны). В этом случае, предлагая уникальную вещь за миллион аукционному дому, вы гарантированно получаете миллион и практически всегда останетесь довольны. А вот аукцион уже получит столько, сколько сможет вытрясти из покупателя – может, и два, а может, и десять, а может, и... Впрочем, неважно сколько, потому что об этом никто никогда не узнает.

Памятны случаи, как на западном аукционе появлялся покупатель (богатый русский, шейх, султан и тому подобное), который забирал всю коллекцию целиком по соблазнительной для руководства аукциона цене. Тогда уже не было сил поддерживать миф об аукционе: продажа за закрытыми дверями – всегда возможность заработать много больше, чем обычные аукционные проценты.

Хорошо это или плохо? Станный вопрос, потому вряд ли разумно требовать от специалиста экстра-класса, каковыми ныне являются ведущие деятели антикварного рынка России и мира, работать за некий процент. Да и покупатель в конечном итоге заплатит примерно столько же, сколько на открытых торгах, только без нервов. Не всегда проиграет и сдатчик: согласившись на «персональную продажу» он гарантированно получит деньги, а не восхваления его бесценной книги, которую можно будет продать лет через пять-десять.

Непубличность «персональных продаж» порой оказывается привлекательной стороной не только для самих антикваров, но и для владельцев предметов. Особенно это актуально для безусловных и очевидно очень ценных книг или автографов. Конкретная ситуация: антиквар или коллекционер купил некий предмет с целью последующей продажи; или, что бывает в

практике коллекционера очень часто, был приобретен некий комплекс книг или рукописей, но ради этого была отдана вся наличность или даже был взят кредит. Неминуемо требуется продать что-то из приобретенного, чтобы «отбить» покупку. Однако с оговоркой: продавший вам эти предметы не должен ничего узнать, иначе у него может сложиться ощущение, что он продешевил (то есть аукцион в этом случае исключен). Вопрос приватности вдвойне актуален в тех ситуациях, когда наследники, распродавая собрание недавно умершего коллекционера, пытаются реализовать имущество втайне от близких родственников. Вероятно, бывают и более щекотливые ситуации, но суть читателю, безусловно, ясна. В подобных случаях механизм «персональных продаж» оказывается наиболее удобным: вы несете предмет к дружественным и опытным антикварам, которые умеют держать язык за зубами, и предлагаете им предмет для продажи помимо аукциона. Финансово это выглядит примерно так же, как и обычная комиссионная торговля: квитанция, ожидание, перечисление средств на счет. И никто, кроме налоговой инспекции, об этой сделке не узнает.

Кроме того, как мы уже вскользь упомянули, в России 1990-х на рынке действовали такие собиратели антикварных книг, которым невозможно было отказать в продаже до аукциона, – их влияние было очень велико и выходило за пределы мира антиквариата. Мало кто из опытных деятелей книжного рынка хотел разозлить их своим отказом.

Как раз последнее обстоятельство побудило нас с коллегой попытаться собрать собственную аукционную коллекцию. Будучи тесно связаны с фирмой «Акция», мы поначалу стремились существенно улучшить уровень книг текущих аукционов, чтобы там можно было продавать книги по более высоким средним ценам. Ведь если аукционная фирма начинает понижать уровень продаваемых предметов, то вскоре это предприятие рискует превратиться в прибежище антикваров-дилеров, которые дешево скупают предметы и потом расставляют их по антикварным магазинам.

Итак, мы попытались, но не преуспели. Во-первых, обычно во главе антикварного дела стоит человек, который рано или поздно встает перед выбором: сохранять высокий уровень антикварных предметов (книг, картин, фарфора, монет) или брать объемом – то есть принимать почти все в надежде на обороте заработать больше, чем при продаже нескольких шедевров. Особенно вариант большого товарооборота прельщал фирмы, уровень экспертов в которых оставлял желать лучшего. Раз вступив на этот путь, аукционная контора постепенно превращалась в свалку. От нее отходили сначала покупатели (им становилось жаль времени на изучение каталогов), а потом и сдатчики, таков печальный итог.

Но в 1992 году мы были максималистами, а за отказ продавать свои книги до аукционных торгов прослыли «наглой молодежью». Наша несговорчивость нашла отзвук у триумvirата «Акции», который вынужден был мириться с приведенным уже девизом «лучше жалеть о содеянном, чем об утраченных возможностях». Так мы отвоевали себе исключительное, как нам тогда казалось, право – собирать трижды в год особенный сезонный аукцион. Что тут удивительного, казалось бы? Дело в том, что мы бы никак не смогли в 1990-х организовать аукционное предприятие, потому что ни один из нас не любил, а как следствие, и не умел общаться с теми людьми, которые настоятельно предлагали любой коммерческой организации свое «покровительство». Это неумение нас в будущем и спасло – мы не были затянуты в воронку антикварного бизнеса и каждый из нас в конце концов вернулся к научной работе. Но в тот момент, в 1992 году, мы условились делать сезонные аукционы книг и проводили их, начиная с 1993-го, трижды в год под эгидой нескольких фирм, вплоть до 1999-го, когда аукционная торговля изжила себя в том формате, в котором она была для нас интересна.

Времена меняются, и антикварная торговля не осталась прежней. Если в 1990-х годах на антикварном рынке встречалось очень много первоклассных книг и даже было ощущение, что это изобилие продлится вечно, то желающих купить эти сокровища было не так уж и много: старые коллекционеры не могли утнаться за инфляцией, а новоявленные «покупатели»

не имели ни опыта, ни разума и приобретали «толстые обои». Единственным, кто запомнился нам из тех времен, был известный московский комсомолец, несмотря на страсть к охоте, имевший вкус к настоящим книжным редкостям. Впрочем, он имел привычку безбожно торговаться, а это не укрепляет союз собирателя и антиквара.

К началу 2000-х годов для антиквара сама идея аукциона несла все больше головной боли и все меньше смысла. В то время на рынок вышли крупные бизнесмены и «живущие на одну зарплату» важные чиновники. У богатых людей окормлялись многочисленные личные консультанты, обычно не слишком квалифицированные. Они брали у антикваров «на поносить» книги: отвозили покупателю и предлагали по своей цене, прибавив процент за содействие (а особенно приткие умножали цену в несколько раз). Одновременно посредники передавали патрону на словах или на бумаге превосходные характеристики очередной порции и потом возвращались к антикварам с наличными, не забывая взять себе посредническую часть. Во-первых, именно в эпоху такой вот «разносной» торговли мы почувствовали, что «взбаламученное море» книжных редкостей, вышедших на книжный рынок в 1990-х годах, начинает клониться к штилю. Во-вторых, именно в начале 2000-х начал воплощаться в жизнь принцип, действующий у обеспеченных покупателей поныне: они всегда предпочтут купить несколько книг по цене сто тысяч, чем одну книгу за миллион, и, уж конечно, лучше купят еще больше книг по тысяче, особенно если на них будет выбита скидка.

Зачем устраивать аукционы, если торговля идет и без них? Так думали опытные антиквары – и мы в их числе. Вдвойне приятно, когда можно продавать «толстые обои», а настоящие редкости – ставить на свою полку.

В середине 2000-х годов ситуация на рынке привела к новому типу аукционов. Они устраивались умелыми коммерсантами, что, вообще говоря, неплохо, но акцент делался не на качество книг и других предметов, а на их количество и частоту аукционных торгов. Безусловно, раз такого рода бизнес осуществлялся, значит, он был прибыльным. Причина же отчасти состояла в том, что высокие цены на антиквариат, вознесенные в эпоху дорогой нефти, не опускались никакими кризисами. То есть «его величество сдатчик» не верил, что цены могут падать, а покупатели уже отказывались покупать книги задорого. Аукцион в этом случае опять выручил мир антикварной книги, поскольку антикварная книжная торговля – это все-таки *торговля* старинными редкими книгами, для жизни которой движение товара необходимо.

Наряду с обычными аукционами, которых ныне как грибов после дождя, мы наблюдаем возникновение и предприятий иного генезиса. Дело в том, что некоторые богатые люди на протяжении десяти или более лет вкладывали большие средства в антикварную книгу. Как правило, это были «толстые обои», но встречались и настоящие редкости. Спалив не один мешок дензнаков на этом увлечении, коллекционеры постепенно набирались ума. И знание, приобретенное в результате огромных трат, подсказало им следующую мысль: вместе с действительно коллекционными экземплярами они имеют много тысяч томов никому не нужной макулатуры, которую довольно сложно продать. Рынок сильно изменился, и уже мало кто покупает книги «пачками и тачками», как делали они сами в эпоху высоких доходов российского бюджета. Конечно, сколько бы они ни платили десять-пятнадцать лет назад, все это меньше нынешних цен на эти же книги. Но это слабое утешение для людей, которые имеют миллионные доходы даже за счет депозитов. Кроме того, они поняли и другую истину: намного труднее купить по-настоящему редкую книгу и желательнее не втридорога, если между продавцом и тобой есть посредник. Только имея свой аукцион, ты будешь снимать сливки. И вот такие аукционы стали появляться. Разумеется, эти влиятельные люди парят в эмпиреях совершенно иного цифирного порядка и не сидят «на приемке», но зато предоставляют помещение, утверждают штат, нанимают эксперта.

Конечно, в России не бывало и никогда не будет «антиквара на жалованье», потому что настоящий антиквар никогда не работает на владельца, а работает всегда исключительно на

себя (о том, что наемные сотрудники склонны к банальному воровству, мы даже не говорим – сами, нанимая когда-то вполне проверенных экспертов, горько жалели об этом; особенно памятен нам случай с магазином «Екатерина»). То есть, если эксперт не получает долю бизнеса на условиях откупа, существует в рамках структуры, делая только фиксированные ежемесячные отчисления, и обязуется трудиться за зарплату плюс процент, это выглядит фантастично. Да и при соблюдении наилучших условий многие эксперты «портятся» и, как итог, – начинают воровать. Они либо хитрят, либо – при невозможности хитрить – уносят ноги и основывают собственный бизнес. Учредитель же остается с тем, что есть, а если он не слишком жаден, книги к нему будут приходиться даже без особенно квалифицированных помощников.

Возникновение электронных аукционных агрегаторов вдохнуло жизнь в увядающий после очередного экономического кризиса мир российской антикварной торговли. Что ни день – в разных уголках нашей родины начинает стучать деревянный (или электронный) молоток. Зачастую торговлю ведет несуществующий магазин, а книги нельзя посмотреть – приходится довольствоваться фотографиями на смартфон, причем «покупая товар как есть, вы соглашаетесь с условиями продавца». Но в целом россыпь современных аукционов напоминает нам букинистические магазины 1990-х: есть хранилища редкостей под стать призракам прошлого, каким нам вспоминается знаменитый в 1990-х годах магазин «Антиквар» И. С. Горбатова и О. В. Лукашина в отеле «Метрополь», где Юрий Петрович Колгатин нет-нет да и вынет для вас записную редкость... Однако много больше других: это те же свалки, где что ни книга – то либо библиотечная, либо дефектная, либо некомплектная. И некоторые каталоги уже даже не смотришь, потому что знаешь заранее – ничего хорошего там тебя не ждет. А если что-то и купишь, то, получив покупку, найдешь все, что ненавидишь: мытые или вовсе отсутствующие страницы, страницы на ксероксе, штампы прежних владельцев. Но порой огорчаешься еще более, когда на пристойном аукционе по старой памяти ты решил поиграть, ждешь назначенного дня, посматривая, сдвинулась ли стартовая цена, и вдруг оказывается, что «лот снят с торгов». Впрочем, это означает одно: все прежние механизмы аукционов до сих пор исправно работают.

Библиографическое описание

Когда речь идет о библиографическом описании, самое первое, что возникает в голове читателя, – убежденность в суконости, абсолютной казенности этого понятия, воистину своеобразного прокрустова ложа. Сразу же думаешь про ГОСТ библиографического описания, которым мучили в институте при написании курсовых и дипломных работ. А с учетом переменчивости таких правил – где ранее точки ставились, теперь не ставятся, раньше номер тома указывался до года издания, теперь следует ставить его после, и так далее и тому подобное, – ненависть к формализованным правилам библиографического описания входит в кровь навсегда.

Описание антикварных книг первоначально пытались делать согласно общегосударственным правилам. В результате книги XVIII и XIX веков стали описываться по тем же лекалам, как и только что вышедшие. И даже правила описания старопечатных изданий, которые были разработаны Музеем книги библиотеки имени Ленина, не спасли положения. До сих пор нет четкого алгоритма описания книг старой печати. Конечно, алгоритм есть, но пользоваться им затруднительно, а слепо доверять – опрометчиво. Берешь книгу в руки и сразу видишь то, что при описании пропущено или указано ошибочно. Возьмем хотя бы чистые нумерованные страницы – как правило, они не учитываются вовсе. Если в конце книги есть два листа сверх пагинации, например с оглавлением, по уму их надо записать как [4] с., но текст напечатан только на трех страницах, а последняя – чистая, и в каталогах пишут [3] с. Если же такая ситуация в начале книги – титульный лист и авантитул не пагинированы, – пишут всегда [4] с., и не играет роли наличие текста на обороте авантитула и титульного листа. А между тем в случае с действительными редкостями хочется понимать, какие непагинированные страницы несут текст, а какие нет. С описанием иллюстраций – еще труднее и запутаннее. То есть по печатным справочникам понять комплектность антикварной книги, которая попала к вам в руки, можно далеко не всегда. Приходится либо полагаться на авось, либо бежать в библиотеку посмотреть подобный экземпляр.

Полистное или постраничное описание оказывается наиболее полным, но если этот метод и применим к памятникам печати колыбельного периода, хотя и не всегда необходим, то для книг более позднего времени лишь приводит к раздуванию объема и лишним трудозатратам.

Применение стандартного ГОСТа для библиографического описания антикварных книг – это, может быть, и не варварство, но крайняя глупость. Для того чтобы посчитать и правильно указать страницы, особенной эрудиции не требуется, для описания же индивидуальных особенностей экземпляра необходимы знания предмета и терминологии. Как свидетельствуют наши крупнейшие справочники – знания эти даже в главных библиотеках страны находятся не на должном уровне. Это понятно по «Сводному каталогу русской книги гражданской печати 1-й четверти XIX века» – жалкому подобию его великого предшественника, каковым заслуженно считается «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800». Очевидно, что ныне отечественная книговедческая мысль переживает ощутимый упадок.

Позволим себе отступление: мы постоянно наблюдаем курьезы в описаниях, в том числе приведение фамилии к требуемому написанию. В антикварной книге фамилия автора обычно указывается в конце заглавия в родительном падеже, а для библиографического описания необходимо указывать ее в именительном. Тут-то мы и встречаем постоянное склонение несклоняемых фамилий, но не таких, которые прежде склонялись, а ныне официально не склоняются, вроде Шевченки, или несклоняемых вовсе. Речь, прежде всего, о фамилиях на *-ово* и *-аго*. Так, мемуарист Мертваго обязательно будет в карточке «грамотного» библиографа «Д. Б. Мертвый», а историк флота Веселаго – «Ф. Ф. Веселый», ну и так далее. (Но если в случае библиографического описания, читая такую версию написания фамилии, только улыбнешься,

то много неприятнее – когда свои навыки в умении распознавать падежи демонстрирует переплетчик.)

Особенно серьезные изменения в описании антикварной книги происходили в последние два-три десятилетия, и связано это как с развитием антикварной торговли, так и с прогрессом в сфере компьютерных технологий. Начало «живому» описанию антикварной книги в новейшую эпоху было положено М. Я. Чапкиной, которая делала это без претензий на высокую научность, но добротнo и доходчиво. Ведь самое главное, чтобы по описанию можно было понять качество и комплектность конкретного экземпляра.

Отдельное умение, которое требуется в мире антикварной торговли, – учитывая недостатки экземпляра, не представить книгу хуже, чем она есть. Это выходит довольно часто: в первую очередь составители перечисляют дефекты экземпляра, а лишь потом между прочим говорят, что аналогов изданию ни в каталогах, ни в библиотеках нет. Особенно часто так бывает с изданиями для детей, напечатанными в XVIII – начале XIX века. Вообще умение описать недостатки экземпляра – большое искусство. Вспоминается, как один знакомый купил на аукционе недостающие номера журналов типа «Старые годы» или «Художественные сокровища России» и долго возмущался, что, например, вместо указания на отсутствие передней обложки в каталоге было обозначено: «задняя обложка сохранена» и так далее. Описание дефектов – большое поле для лукавства и творчества библиографа.

Когда мы с коллегой А. Л. С. начали проводить свои «сезонные аукционы книг», главное внимание было уделено именно принципам библиографического описания. Конечно, мы сразу отказались от ГОСТов в пользу более понятных правил. Единственное условие – правила должны быть внятно сформулированы, а описание книжного памятника – соответствовать им.

Таким образом, с 1993 года мы выбрали для себя иной способ описания. Главное его отличие заключалось в том, что в каждом случае мы старались обозначить место издания в культурном пространстве. Это были и справки об авторах и иллюстраторах, и ссылки на редкие библиографические справочники, словом – грамотная аннотация. Начинаясь наша деятельность еще в «докомпьютерную эпоху», и приходилось много работать в библиотеке, а это всегда приносит свою пользу в будущем.

Но время неумолимо движется, и с развитием интернета библиографические справки перестали быть чем-то сверхъестественным. В аннотации теперь должны содержаться тонкие интересные характеристики, которые могут дать нетривиальные сведения о предмете. Однако реальность показывает обратное: библиографы компенсируют отсутствие квалификации обширными цитатами сору-paste. В этом же духе ежегодно выдаются своды компиляций типа «Записок старого библиохроника», которые представляют собой массу общеизвестных сведений без малейшего критического подхода и, конечно, не прибавляют к ним ничего нового, кроме собственных ошибок.

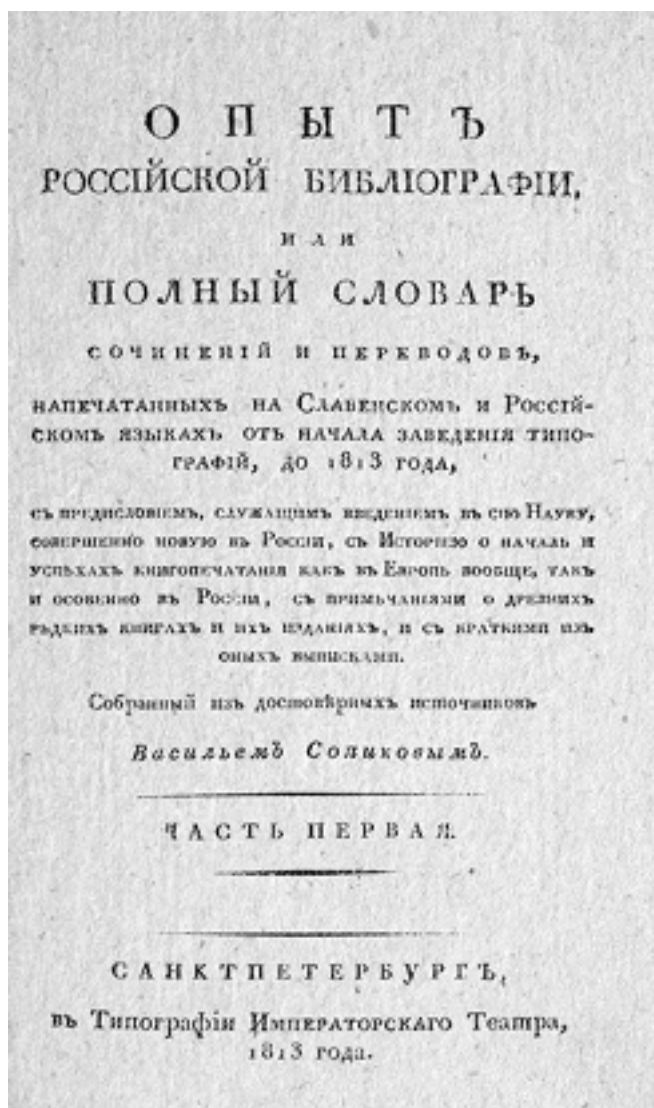
Безусловно, даже в нынешнюю эпоху лишь для квалифицированного специалиста по антикварной книге оказывается доступен ряд навыков, без владения которыми невозможно описать конкретный книжный памятник. Эгих навыков немало: умение характеризовать и датировать бумагу, знание техник книжной и иллюстративной печати, расшифровка владельческих знаков. Но наиболее труднодоступным является, казалось бы, нехитрое умение верного прочтения автографов и владельческих записей. Этот навык ныне в значительной мере утрачен в академической среде – что уж говорить об антикварной торговле.

То есть от современного описания антикварной книги не требуется больших выкладок банального справочного материала – в большинстве случаев читатель сам может уточнить отчество Александра Блока или год смерти Лермонтова. Более важно квалифицированное описание конкретного экземпляра, раскрытие не только всех его особенностей, но и указание недостатков, а также научно фундированная аннотация, которая позволит читателю увидеть место конкретного книжного памятника в культурном пространстве.

Библиографические пособия

Библиографические справочники и книготорговые каталоги – единственный необходимый инструмент букиниста. Этот тезис был незыблемым более трехсот лет – с той поры, как каталоги публичных распродаж оказались источником ценообразования. В середине XVII века появляется и первый указатель литературы по книговедению – его в 1653 году составил француз-иезуит Филипп Лаббе, который пробудил интерес к книгам старой печати. С этого времени и началась мода на коллекционирование инкунабулов. В XVIII веке, когда букинистическая торговля приняла невиданные масштабы, главным источником ценообразования и букинистических знаний стали каталоги крупнейших библиотек и распродаж, которые составлялись выдающимися библиографами – такими, как Г. Ф. Дебюр во Франции или И. М. Франке в Германии. В XIX веке начинается обработка многочисленных каталогов в единые своды книжных редкостей, среди которых особенно известны многотомные труды англичанина Томаса Дибдина и француза Жака-Шарля Брюне. К ним примыкают выдающиеся справочники типа «Словаря анонимных сочинений» Ж. М. Керара.

В России до «Опыта российской библиографии» В. С. Сопикова, который выходил с 1813 по 1821 год и составил пять частей, не было сводной библиографии русской книги. Собственно, до самого последнего времени его труд не потерял своей значимости, хотя и созданы Сводные каталоги книг XVIII века и продолжается издание Сводного каталога первой четверти XIX века. Каталоги книжных редкостей второй половины XIX – начала XX века – в том числе составленные Г. Н. Геннади, И. М. Остроглазовым, Н. Б. (Н. И. Березиным) – были и продолжают быть главным мериллом редкости книг, хотя смена приоритетов в коллекционировании заставляет относиться к ним с долей недоверия. Бывают и менее осмысленные руководства: например, свод «Редкие русские книги...» Ю. Битовта, который был издан в 1905 году по мотивам антикварных каталогов, но непонимание составителем сути понятия «редкая книга» также общеизвестно.



Титульный лист первой части «Опыта российской библиографии» В. Соликова (1813)

В середине XX века вышли в свет не только «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800», но и историко-библиографические труды Н. П. Смирнова-Сокольского: начиная «Рассказами о книгах» и «Рассказами о прижизненных изданиях А. С. Пушкина» и заканчивая двухтомным описанием собственной коллекции – «Моя библиотека», напечатанным уже после смерти собирателя энергией С. П. Ближниковской и трудами лучших книгovedов. Я не погрешу перед истиной, если скажу, что книги Смирнова-Сокольского были самым лучшим педагогическим пособием для коллекционера и букиниста второй половины XX века. Остаются они таковыми и до сего дня. Не следует забывать и о записках книжников и библиофилов – Ф. Г. Шилова, П. Н. Беркова и прочих. Несмотря на постоянные нападки, серьезным подспорьем были букинистические каталоги-ценники (по которым, как мы говорили, можно было быстро проверить комплектность многотомного издания).

Крушение советского строя дало свободу букинистической торговле, и каталоги аукционов значительно расширили арсенал пособий букиниста. А распространение интернета настолько увеличило количество доступных сведений, что этим не преминули воспользоваться даже графоманы – будучи наследниками А. Е. Бурцева, который в начале XX века издавал описание своих книг, подчас перепечатывая полностью некоторые из них. Ныне том за томом такие исследователи публикуют «хроники сведений из Сети о старинных книгах» и выдают свои творения за науку.

Но такой инструментарий антиквара-букиниста, как книжные каталоги и справочники, давно устарел. Времена, когда это было главным и самым упоительным чтением любого книжника, канули в Лету. Бережно хранимые и крайне дорогостоящие ранее библиографические справочники стали довольно дешевы, но приобретаются все реже и реже. Дело в том, что интернет оказал на всю область печатной библиографии серьезное и необратимое воздействие: выяснилось, что электронные справочники общедоступны и намного удобнее печатных каталогов. И для практической работы антиквара уже не требуются полки с библиографией – достаточно сканированной копии в ноутбуке. Не говоря уже о том, что много проще для справок ныне электронные ресурсы, в том числе архивы агрегаторов электронных аукционов.

Конечно, если я занимаюсь русской книгой XVIII века профессионально, как историк книги, мне нужно иметь под рукой Сводный каталог, чтобы было проще работать. Когда же единственной целью моего обращения к нему является уточнение числа страниц, наличия иллюстраций, выяснение упоминаний в каталогах редкостей, проверка комплектности и тому подобное – намного удобнее пользоваться электронной версией на сайте РНБ. Все каталоги-ценники также оказались списаны в утиль доступным генеральным алфавитным каталогом РНБ, по которому можно не только выяснить комплектность, но и узнать число страниц.

Именно поэтому, когда выходит очередной том «Сводного каталога русской книги. 1801–1825», который сам по себе сделан отнюдь не прекрасно, кроме вопроса, зачем тратить на это деньги и силы, ничего в голову не приходит. Конечно, электронные ресурсы не идеальны: имеет смысл оптимизировать их, сделать более удобными для поиска, своевременно снабжать дополнениями и уточнениями, не скупиться на дополнительные поля с аннотациями. Но бесспорно одно – в нынешнюю эпоху сводные каталоги должны быть электронными.

В качестве лирики остается Смирнов-Сокольский, информативные каталоги частных собраний, мемуары некоторых (далеко не всех) букинистов и антикваров. Последние, надеюсь, будут прирастать новыми текстами. Тем более антикварный рынок изменился, и рассказы о букинистических магазинах в Столешником переулке и Анне Федоровне сейчас напоминают рассказы В. Гиляровского о Сухаревке или Хитровке – то есть это дела давно минувших дней. Для понимания живой реальности существуют новые источники, весьма немногочисленные, но и они могут много рассказать о жизни героев антикварного рынка.

Главный же библиографический справочник должен помещаться в черепной коробке каждого, кто имеет дело с антикварной книгой, – коллекционера, антиквара, дилера. Без этого инструмента бесполезны любые каталоги и справочники.

Библиотека личная

Прошлый век можно по праву назвать веком всеобщего чтения: личная библиотека была у каждого мало-мальски образованного человека. Уровень грамотности вышел на свой пик, которого уже никогда не достичь. Печатная книга была доступной по цене и представляла собой притягательный источник эмоций и знаний.

Компьютерная эпоха положила конец этому золотому веку печатной книги, отодвинув ее на второй план. Представим интерьер обычной квартиры – там уже нет места ни книжному шкапу, ни даже «стенке» с несколькими книжными полками: от книг с радостью избавляются при ремонте или переезде. Конечно, у некоторых представителей грамотного сословия все-таки останутся книги дома или на даче, но численность их будет постоянно изменяться в меньшую сторону – таковы законы эволюции.

Говоря же о реалиях XX века, нужно принципиально разделять личную библиотеку и книжную коллекцию. Если горячий собиратель так называемых макулатурных изданий и считал себя самым настоящим библиофилом и, возможно, имел значок и членскую книжечку Все-союзного общества книголюбов, то де-факто коллекционером в нашем понимании не был – он лишь собирал книги для чтения.

То же касается и более серьезных библиотек – кабинетных собраний ученых: при любой возможности человек «тащил в норку» все мало-мальски близкое к теме его исследований. Собственно, отсюда и название – «профессорская библиотека», в которой наряду с бесконечными монографиями, сборниками, оттисками из периодических изданий, авторефератами и прочим можно увидеть и настоящие коллекционные издания. Но последние приобретались исключительно для работы и не составляют единой коллекции, а только отражают интересы исследователя – как и основное ядро библиотеки. Скажем, рядом с комплектом сборников «XVIII век», издаваемых до сего дня Пушкинским Домом, обычно имеется изданное Я. Гротом собрание сочинений Державина. Правда, сохранность таких рабочих библиотек оставляет желать лучшего.



Книжный шкаф филолога (2020)

Основное отличие личной библиотеки, где представлены и библиофильские редкости, от коллекции редких книг – сохранность конкретных экземпляров, да и всей коллекционной части в целом. Поскольку книги покупались прежде всего для работы, нередко это ветхие, дефектные экземпляры, порой списанные из государственных библиотек с их несмываемыми следами.

Однако бывают случаи, когда при вкраплении редкостей в профессиональную библиотеку ученого образуются уникальные в своем роде книжные коллекции. Такова библиотека профессора Г. П. Макогоненко, которую мы приобрели совместно с А. Л. С., где наряду с новыми изданиями, книгами первой половины XX века, присутствовало и коллекционное ядро – русские периодические издания XVIII века. Наверное, нам никогда больше не купить и не увидеть в частном собрании такой исключительной подборки сатирической периодики – «Трутня», «Живописца», «Всякой всячины», «Парнасского щепетильника» и так далее. Причем практически во всех вариантах изданий XVIII века. Но и в этом случае мы немного роптали, будучи максималистами: сохранность некоторых экземпляров оказалась далеко не идеальной. Однако если, к примеру, «Зеркало Света» или «Растущий виноград» можно было найти и в лучшей сохранности (сейчас, безусловно, уже нет), то сатирические журналы Н. И. Новикова редки в любом виде.

То есть мы призываем разделять в нашем случае два понятия. Первое – личная библиотека, которая может быть монографична или, напротив, разнообразна и хаотична, но представляет собой книги для работы или повседневного чтения. Второе – книжная коллекция.

Библиотека государственная

Неискушенному читателю государственная библиотека представляется сокровищницей. Однако имеющий отношение к собирательству смотрит на это учреждение под специфическим ракурсом. После нескольких посещений таких сокровищниц в сердце коллекционера закрадывается сомнение: а стоит ли туда дарить (завещать) то, что было получено силою огромных личных переживаний, материальных тягот, моральных компромиссов, долгих лет неувядаемой страсти? Бывает, что собирателя или его наследников соблазняют обещанием, что собрание будет храниться неделимо, но вряд ли это должно утешить.

Публичная библиотека – будь то Британская, парижская Национальная или любая российская – в действительности не дает прекрасной коллекционной антикварной книге новой жизни. Государственная библиотека – это своего рода кладбище для книг, где они покоятся. Иногда покоятся с миром, иногда без оно, иногда их останки выбрасывают, для того чтобы поместить на их место новые книжные мощи, иногда сжигают и развеивают прах...

Даже среди человеческих кладбищ есть система рангов – это может быть Мавзолей, подножие Кремлевской стены, Литераторские мостки, Некрополь мастеров искусств, Новодевичье, Донское, Кунцевское, участок или же колумбарий, сельский погост и, наконец, братская могила, на месте которой предприимчивые потомки уже возвели торговый центр или жилой дом.

То же самое и с книгами – условия хранения в публичных библиотеках могут быть совершенно различными, но суть неизменна: как бы прекрасно ни содержались книги в государственной библиотеке – они там не живут, а доживают свой век, пока одно поколение посетителей сменяется другим. И как бы ни был хорош «идеальный хранитель», который уговорил коллекционера или его наследников передать книгу в музей или отдел редких книг, – на смену ему рано или поздно придет безразличное, бездушное существо, которое обезобразит книгу печатями, не видя в ней ни ценности, ни красоты. Потом исследователи или простые читатели доведут прекрасный экземпляр до такого состояния, что его придется переплести в библиотечный переплет: обложки закроют в коленкор, обрезав «ненужные» разновеликие поля, прошьют «втачку» и отправят доживать свой век на полке уже в таком вот изнасилованном виде, без всяких следов былой любви владельца.

Никогда в нашей стране я не видел такого места, где бы читателя – неважно, студента или доктора наук – лишали права пользования архивом или отделом редких книг, если он небрежно обращался со старинной книгой или рукописью. А ведь это вполне законно: материальный урон, который наносится падением книги, можно посчитать, и порой он будет исчисляться очень большими цифрами: вспомним цену обеспыливания книг одного сановитого книголюба. И главное, страдает выдающийся памятник книжной культуры. Но никогда никого не лишили права пользования книжным фондом за варварское обращение, а вот за невинное фотографирование книг мобильным телефоном или курение в туалете библиотеки – неоднократно. Сколько раз я наблюдал картину: человек берет на кафедре выдачи несколько книг или томов рукописей и несет к столу сразу целую стопу, по пути роняя одну или, увы, иногда даже все на пол с великим грохотом. Или же его величество читатель обращается с книгой XVI, XVII, XVIII века так, как будто это современный бульварный роман, который «сегодня есть, а завтра будет брошен в печь»... А поэтические сборники начала XX века и футуристические издания? Как часто они уродуются посетителями! Советую посмотреть за этим процессом в отделах редкой книги или в читальных залах главных библиотек.

Впрочем, формально библиотека не должна отказывать в доступе к печатным изданиям из своих фондов. Сотрудники могут попытаться не выдать особую ценность лицу без образо-

вания, но если это лицо будет настаивать и скандалить, то микрофильмом не отделаешься. Впрочем, зачем фантазировать? Опишем лучше несколько реальных ситуаций.

Не так давно в читальный зал редкой книги одной из главных библиотек страны вошли двое посетителей: первый – с выраженным заболеванием, вероятно, врожденным синдромом, второй – сопровождающий его тьютор. Они обратились с просьбой посмотреть книги, принадлежавшие последнему представителю царской семьи – цесаревичу Алексею. Дежурный, который по должности всю сознательную жизнь только и делал, что изучал и охранял книжные памятники, посоветовал ознакомиться с микрофильмом. Такое предложение было отвергнуто решительно: «Нам нужны только подлинники!» В столь затруднительной ситуации сотрудник пошел звонить начальству: обрисовал проблему и добавил, что у читателя нет письма от научного или учебного заведения, которое обычно требуется посетителям без диплома для выдачи особо ценных изданий. Затем высказал свои опасения: не пострадали бы уникальные экспонаты. Руководство вмешиваться не стало: формально к тому времени дежурный прошел курсы по обслуживанию читателей с ограниченными возможностями и запретить выдачу книг мог только под свою ответственность, а если бы поступила жалоба, то и отвечать пришлось бы ему же. Через тридцать минут книги были выданы посетителям.

Еще один нередкий случай: начальство требует отдать на выставку едва ли не единственный в мире экземпляр выдающегося памятника. Так, мы часто наблюдаем плакат Казимира Малевича «Клином красным бей белых» из коллекции нашей главной библиотеки на различных экспозициях, который истрепан уже настолько, что пора бы оставить его в покое.

Стоит напомнить, как делалась сканированная копия лучшего в мире экземпляра 42-строчной Библии Иоганна Гутенберга. С этой святыней обращались так, как никто в просвещенном мире не посмел бы. До сих пор этот экземпляр таскают туда-сюда, как будто в хранилище лежат запасные... Здесь важно заметить, что ряд особенно ценных памятников фотографируются бережно не из вредности хранителей, а потому, что оцифровка шедевров должна происходить без нанесения им увечий. Нынешнее стремление попасть в новостные ленты хотя бы и ценою сохранности драгоценного наследия – визитная карточка главной библиотеки страны, которая неожиданно стала работать в жанре передвижной выставки. Впрочем, если начальство велело, то хранитель почти всегда должен взять под козырек и исполнить, иначе у него есть шанс раньше времени выйти на пенсию.

Пожалуй, только в отделе редких книг Национальной библиотеки в Париже выдача и использование происходит с необходимым в таких случаях пристрастием: сотрудники сами положат книгу на специальные подкладки, чтобы открывать ее не более чем на 90–100 градусов (а не на все 200, как любят «исследователи»), дадут тяжелые обшитые тканью закладки – ими можно придерживать книгу от закрытия. Схожим образом обставлена работа с редкостями в Славянской библиотеке Хельсинки. Были годы, когда я смотрел в европейских библиотеках имеющиеся там прижизненные издания Галилея, и имел возможность сравнить условия, в которых работают читатели отделов редких книг. В новом здании BNF корректурный экземпляр «Звездного вестника» 1610 года я изучал вот под таким вот надзором, однако прекрасный полный экземпляр, происходящий из библиотеки де Ту, в сафьянном переплете с его гербом, уже изучал без всяких строгостей в библиотеке Арсенала. Но если себе я могу доверять, то на людей вокруг, работающих с книгами XV–XVII веков, порой трудно смотреть без содрогания...

В некоторых библиотеках и архивах запрещено писать шариковыми ручками – только простым карандашом, и это справедливо. С другой стороны, часто заставляют надевать белые перчатки при работе с особо редкими изданиями. Тут я готов подискутировать: руки после улицы (не говорю буфета) можно просто помыть – перчатки же в таком случае годятся только на один раз и должны быть не синтетическими и уж точно не резиновыми. Многократно я наблюдал, как где-нибудь в отечественном архивохранилище хранители-небожители или

исследователь надевают белые перчатки, явно несвежие, и оставляют при перелистывании пятна грязи на шедевре книгопечатания.

Отдельная проблема перчаток – уменьшение чувствительности пальцев, что приводит к надрывам листов. По этой причине, скажем, в Эрмитаже папки с эстампами в фондохранилище запрещено просматривать в перчатках. Думаю, что для редких книг это было бы не менее актуально.

«К чему это сгущение красок?» – спросите вы. К тому, что автор совершенно убежден: при нынешних реалиях, когда речь идет о выдающихся книжных памятниках, в большинстве случаев читателю, даже высококвалифицированному, при наличии цифровой копии нужно запретить выдавать музейные экземпляры без достаточных научных оснований. А пока дело идет как идет – не иссякает вереница желающих понюхать дух эпохи прижизненных изданий Пушкина или литографированных книг Алексея Крученых. После нескольких таких читателей книга чаще всего «нуждается в реставрации», и дальнейший путь ее печален: почти всегда реставрация уничтожает коллекционный экземпляр, он становится «библиотечным». Книга превращается в мумию.

Мы сейчас вели речь о книгах-невольницах, которые исторически оказались на государственном хранении. Им, как говорится, не представилось даже выбора. И это обычный путь книжных памятников. Судьба их обычно предрешена, потому что в загадочной русской душе наряду с аксиомами типа «границы для предметов искусства должны быть закрыты – иначе все вывезут за рубеж» существует и такая: «После моей смерти все должно попасть в музей или библиотеку». Но обращение с книгами в этих местах далеко от идеала, и последняя воля в таком контексте напоминает русское «ни себе ни людям», призванное лишь уберечь родственников от получения наследства.

Я уже не говорю о том, как поступали в XX веке с книгами при изготовлении микрофиш. Например, в Библиотеке Конгресса (Вашингтон) были микрофильмированы почти все книги на русском языке XIX – начала XX века, значительная часть которых поступила туда в составе знаменитого книжного собрания красноярского купца Г. В. Юдина. Метод был таков: книга забиралась из фонда, переплетные крышки отводились назад, а книжный блок отрубался специальным ножом-гильотиной. В результате оставалась ровная стопка отдельных листов, которые вкладывались в аппарат для микрофильмирования и автоматически копировались с двух сторон: процесс копирования несколько напоминает процесс двухсторонней печати на лазерном принтере, но наоборот. Затем листы отправлялись на переработку, а переплетные крышки – на свалку. И это – чистая правда: некоторое количество книг было спасено от переработки Э. Штейном, и они выставлялись на одном из наших сезонных аукционов. Но абсолютное большинство их погибло.

При этом в XVIII и XIX веках в библиотеках не было принято хранить более одного экземпляра конкретного издания, ибо главный бич публичных библиотек – дефицит места. Результатом такой политики стало «вымывание» прекрасных экземпляров, которые приходили в составе целых собраний, но переводились в дублетный фонд и продавались или передавались в другие места.

В XX же веке мы видим другую крайность – некоторых книг хранилось совершенно немыслимое число экземпляров. Возьмем хотя бы гомерическое количество (по несколько десятков экземпляров) дублетов русских книг гражданской печати XVIII века, в особенности отдельных томов «Древней российской вивлиофики», «Всемирного путешественника», собрания сочинений Сумарокова и тому подобных.

Конечно, ни в коем случае нельзя от них избавляться. К тому же наверняка это будет сделано абсолютно бестолково: экземпляр в красивом переплете – останется, а дублет в обложке будет исключен. Никто и не подумает сравнить все имеющиеся экземпляры, посмотреть, нет ли между ними отпечатанного на особой бумаге, нет ли разного цвета обложек... Как пока-

зывает опыт печатных «сводных каталогов» русской книги – даже для этих изданий не было произведено подобных сверок. Кроме того, любое отчуждение государственной собственности в нашей стране рождает одно и то же явление, в результате которого музейные собрания лишь терпят урон. И если начать уменьшать число дублетов директивно, то мы придем к тому, что в музейное хранилище явится покупатель и станет сам выбирать из пяти экземпляров один, подобно тому как когда-то американские миллионеры отмечали галочками нужные им картины в каталогах Эрмитажа и Музея изящных искусств.

Поэтому согласимся со словами директора Эрмитажа М. Б. Пиотровского, который на вопрос о том, что же может сделать государство для музейных собраний, ответил: «Не трогать их». И в нашей исторической ситуации это, увы, единственный способ что-либо спасти, потому как живем мы в стране крайностей.

Библиотечные печати

Что такое библиотечная книга? Когда подобный экземпляр попадает в руки антиквару-книжнику, он примерно понимает, о чем речь: некоторое время книга принадлежала государственной библиотеке, но затем вырвалась на свободу. Как некогда клеймили заключенных, так и книги государственных или ведомственных библиотек уже несколько столетий «украшаются» именем собственника. Практика ставить на книгах печать начала массово использоваться книгохранилищами в XVIII веке, а в XIX практически все учреждения переняли эту традицию. Впрочем, обычно книга клеймилась при поступлении, а в XX веке та же участь постигла почти все старые фонды.

Но и из плена библиотечной полки у книги может быть шанс выйти на свободу. Путей к тому несколько: книга может быть продана как дублет, списана по акту, обменена на другой предмет и, наконец, просто украдена.

Дублеты

Продажа дублетов практиковалась в России с XVIII века. Эта манера была заимствована из Европы, где практиковалась и ранее. Общеизвестна история Дрезденской библиотеки, куда в 1760-х годах влились два громадных собрания – Генриха Брюля и Генриха Бюнау. Не было найдено иного выхода, как распродать часть дублетов.

В России продажа дублетов, как мы сказали выше, впервые отмечается в практике Академической библиотеки, когда вставшая в 1783 году во главе Петербургской академии наук княгиня Е. Р. Дашкова занялась, подобно кастелянше, наведением порядка во всех без исключения академических департаментах. Она следила буквально за всем в своем академическом хозяйстве, не гнушаясь самыми мелочами. Понятно, что не ускользнула от ее взора и библиотека, которой хронически недоставало места для книг. Рачительная княгиня нашла выход из положения: она распорядилась проверить весь фонд на наличие дублетов и оставить только по одному экземпляру каждого издания. В результате образовалась масса «лишних» книг, которые можно было продать и тем самым пополнить академическую казну. Чтобы понять, насколько вся эта процедура была справедливой и необходимой, мы скажем только, что наибольшее число книг приобрела сама Е. Р. Дашкова для своей библиотеки, а также щедро поделилась со своим племянником – известным библиофилом графом Д. П. Бутурлиным – и братом А. Р. Воронцовым. Как можно судить по некоторым экземплярам, которые мы видели, Е. Р. Дашкова выбирала отнюдь не худшие из дублетов, то есть при наличии двух экземпляров нужного ей издания она обычный экземпляр оставляла библиотеке, а экземпляр в особом переплете забирала себе. Да и цены на дублеты также придумывала сама. Реализация дублетов уже в XVIII веке представляла собой типичный русский случай такой процедуры.

Но в XVIII веке библиотечных следов еще не имелось, и такие экземпляры определяются по великолепному академическому переплету середины XVIII века и владельческой записи самой Е. Р. Дашковой или кого-то из ее родственников (один такой экземпляр сохраняется в нашем с коллегой собрании).

В XIX веке прославились аукционы дублетов Императорской Публичной библиотеки. Они также были вызваны вечной болезнью библиотек – нехваткой места. Как мы отмечали ранее, продавались в качестве дублетов не всегда самые худшие экземпляры. Причина понятна: прежде всего к дублетам подпускались собственно сотрудники библиотеки (в том числе В. Ф. Одоевский, один из тонких библиофилов эпохи), а также их друзья. Нужно ли говорить, что с этих аукционов середины XIX века в числе дублетов шли даже книги из библиотеки Вольтера

или Дидро – тогда мало кто обращал внимание на пометы. Главное – не оставить в библиотеке более одного экземпляра каждого издания.

Именно таким образом, к примеру, экземпляр «Ревизора» 1836 года с дарительной надписью «Николаю Васильевичу Дюру от автора», который позднее стал жемчужиной коллекции Н. П. Смирнова-Сокольского и ныне сохраняется в РГБ, был дублетным в Публичной библиотеке, почему и выдавался читателям на дом. Одним из них был А. А. Нильский, отметивший это в своей «Закулисной хронике». Конечно, рано или поздно такая книга будет кем-то «потеряна» и оставлена себе для будущих коллекционеров.

Обычно же при продаже книг в XIX веке на титульном листе синей краской ставился штамп с текстом «ПРОДАНА» в тонкой прямоугольной рамке с закругленными краями. Но касалось это в основном русских книг – иностранные выходили за пределы Публичной библиотеки нередко без подобных штампов.

В советское время ситуация с дублетами изменилась. Прежде всего потому, что организованный после событий 1917 года Государственный книжный фонд стал огромным депо для книг из реквизированных (бывших дворцовых, усадебных, частных, ведомственных) библиотек. Многие собрания, в том числе из императорских дворцов, часто поступали в главные библиотеки напрямую. В результате всех этих пертурбаций образовалось огромное число дублетов: ведь кроме некоторых различий типичная дворянская или дворцовая библиотека в основной своей части была крайне однообразна, поскольку должна была включать в себя обязательный «просвещенческий набор»: «Энциклопедию» Дидро и д'Аламбера, кельское издание собрания сочинений Вольтера (порой без тома с перепиской с Екатериной II), словарь П. Бейля, «Кодекс Юстиниана», словарь Французской академии. Безусловно, в числе русских книг там почти всегда были комплекты «Деяний Петра Великого», «Древней российской вивлиофики», «Всемирного путешественника» и так далее...

Образовалась бездна дублетов. В библиотеках для них выделялись огромные площади, были организованы так называемые обменно-резервные фонды. У Ленинской библиотеки стеллажами были зашиты в том числе и две огромные московские церкви – Мартина Исповедника на Таганке и Климента папы римского в Замоскворечье. Кто там был хоть раз в жизни, пока они еще оставались хранилищами (сейчас эти здания возвращены церкви), тот помнит вызывающие страх, тянущиеся к небесам нескончаемые ярусы открытых стеллажей, прогулка под которыми порой угрожала жизни. И если сейчас произнести слово «Климентовка», то у многих сотрудников РГБ возникнет воспоминание о разбитых окнах и летающих на огромной высоте голубях. У Публичной библиотеки были подобные же помещения в Александровской лавре и на Обводном канале. Что касается академических книгохранилищ во главе со сгоревшим ИНИОном, многим памятна церковь в Узком...

Словом, то были сотни и сотни тысяч книг, к которым после 1945 года прибавились еще сотни и сотни тысяч трофейных. Даже разобрать их, чтобы единственный экземпляр мог поступить на государственное хранение и карточка появилась в читательском каталоге, было физически невозможно. И если с русскими книгами XVIII века работа велась, особенно когда начал готовиться «Сводный каталог... 1725–1800», также были учтены инкунабулы, палеотипы, издания второй половины XVI века, то книги европейской печати XVIII, XIX и начала XX века гибли в беспрецедентных масштабах.

Если говорить о 1920-х и 1930-х годах, то, кроме разбора книг и выделения их в основной фонд библиотек, активно действовала «Международная книга», которая имела полномочия выбирать даже основные экземпляры из главных библиотек. Бывало, что продавались целые библиотеки: например, значительная часть библиотеки Павловского дворца-музея (так называемая библиотека Росси, по имени ее архитектора), благодаря чему на Запад попало много тысяч книг библиотеки Павла I и его супруги в особых переплетах и так далее.

Русские книги, которые продавались за границу через многочисленные каналы «Международной книги» до начала 1940-х годов, изыскивались как из обменно-резервных, так и из основных фондов. Их было продано очень много. Обычно, если книга шла официальным путем по каналам «Межкниги», на титульном листе внизу должен был иметься фиолетовый наборный штамп с текстом «Printed in Russia». По этому штампу легко отличить те книги, которые выписывались из России западными коллекционерами и даже библиотеками. Тот же Байярд Килгур (1904–1984) активно пользовался этим источником, что легко определить по воспроизведениям титульных листов в каталоге его собрания (не говоря о том, что он в 1926–1927 годах жил в СССР и также массу всего себе приобрел). В букинистические магазины в довоенное время исправно передавала русские книги Публичная библиотека, и даже сегодня нередко встречаются экземпляры с круглой печатью, которой помечались продаваемые дублеты.



«Велизарій» Ж. Ф. Мармонтеля (1768). Экземпляр, переданный в середине XIX века из библиотеки Зимнего дворца в Императорскую Публичную библиотеку, а затем за излишеством проданный



«Добродетельная Розана» В. Лукина (1782). Экземпляр, проданный в 1930-х годах как дублет Публичной библиотеки

После 1945 года, когда книг было море, особенно иностранных, также некоторое время даже самостоятельно могли продавать дублиеты. Этим правом пользовалась, например, библиотека Эрмитажа. Довольно часто можно видеть, когда поверх овального штампа Научной библиотеки выставлен штамп «дублет». Такие книги довольно часто продавались в букинистических магазинах Ленинграда в 1970–1980-х годах.

И все же основная часть дублиетов из обменно-резервных фондов библиотек внутри страны продаваться не могла. Не совсем понятно почему, но дублиеты, особенно иностранные книги XIX века из трофейных фондов, с завидным постоянством наполняли жерла бумаго-

перерабатывающих предприятий. Что же касается изданий XVIII века и более ранних – они мертвым грузом лежали в запасниках библиотек.

Русские издания XVIII века в основном были переведены в Отделы редкой книги, необходимые для создания «Сводного каталога... 1725–1800», и до сих пор они по большей части там и сохраняются. Помню, как на заре туманной юности в одной из крупнейших библиотек проводил поэкземплярный просмотр фонда редкой книги на предмет поиска гербов на переплетах. Врезалось в память изобилие отдельных томов из новиковских многотомников, собранных сочинений Сумарокова и Ломоносова. Это были десятки экземпляров каждого тома.

Но сделать что-то с могильниками под названием «обменно-резервный фонд», где преимущественно отложились фолианты на иностранных языках, было нельзя: книги портились, гнили от плесени, их точил жучок. В 1970-х уже годах чей-то разум просветлился, и библиотеки получили возможность передавать книги из этих хранилищ в государственные музеи. Поскольку продавать их было нельзя, единственная выгода, которую получали библиотеки, в том числе Ленинская, – это освобождение места. Среди музейщиков же нашлось немало энтузиастов, которые по картотекам или по опасным полкам «Климентовки» разыскивали экспонаты для своих учреждений культуры. Именно таким образом, за счет обменно-резервного фонда ГБЛ, оказалось возможным сформировать прекрасную коллекцию книг с владельческими записями в московском Государственном музее А. С. Пушкина. Сотрудники сумели условиться о том, чтобы пройтись по полкам и выбрать из запасников иностранного фонда книги с владельческими пометами. Каталог этого собрания («Автографы современников Пушкина») выдержал два издания. Из того же источника удалось пополнить коллекции дворца в Архангельском и других подмосковных музеях. Впрочем, уже в конце 1980-х годов этот процесс прекратился: книги продолжают сохраняться без всякого движения и недоступны читателям.

Списание по акту

В абсолютном большинстве случаев списание по акту – это сброс книги в макулатуру. Практиковалась продажа дублетов до постановки на государственный учет. Когда книга была вписана в инвентарь, она уже почти никогда не продавалась, за редкими исключениями (см. выше). Именно поэтому при советской власти была запрещена торговля книгами с библиотечными штампами государственных библиотек, а также с потертостями на титульных листах вследствие соскабливания печатей; это же относилось в 1980-х годах к «мытым» книгам.

Лишь в 1987 году начался «эксперимент по реализации населению книг, находящихся в обменно-резервных фондах библиотек». А в 1988 году был подписан специальный совместный приказ Министерства культуры СССР и Госкомиздата, утвердивший «Положение о порядке организации продажи населению книг и других произведений печати и иных материалов из библиотечных фондов». В Положении шла речь о книгах только из обменно-резервных фондов, то есть вряд ли имелись в виду книги XVIII–XIX веков, но вся ответственность за отбор и оценку книг возлагалась на библиотеки, которые должны были реализовывать свои дублеты через букинистические магазины. Персонально за эту процедуру отвечал директор конкретной библиотеки. Положение предписывало обязательно ставить на книгах «штампы гашения» и перечеркивать тонкой чертой библиотечные печати. Штамп гашения представлял собой прямоугольник 25 × 50 мм, в котором после названия учреждения следовала формулировка: «Списано по акту», проставлялся номер акта, дата и подпись сотрудника библиотеки. Таким образом, только книги с указанными штампами могут быть признаны законно путешествующими по свету. Что же касается наиболее частой ситуации, когда на книге имеется только штамп «погашено» поверх библиотечной печати, – это уже сомнительное дело, поскольку проверить

такое списание затруднительно. В 1990-х годах, как я помню, у большинства книжников в арсенале был такой штамп.

Это объяснимо: неисчислимо множество ведомственных библиотек, которые ликвидировались в начале 1990-х на пространстве бывшего СССР, часто никуда не передавали свои фонды. Они целиком шли на нужды государства, которое до сих пор остро нуждается в макулатуре. И на огромное число книг был только один акт – приема на переработку. Не все книги доходили до места назначения, и наиболее частый путь – домой к сотрудникам, которые забирали их исключительно из чувства безысходной жалости.

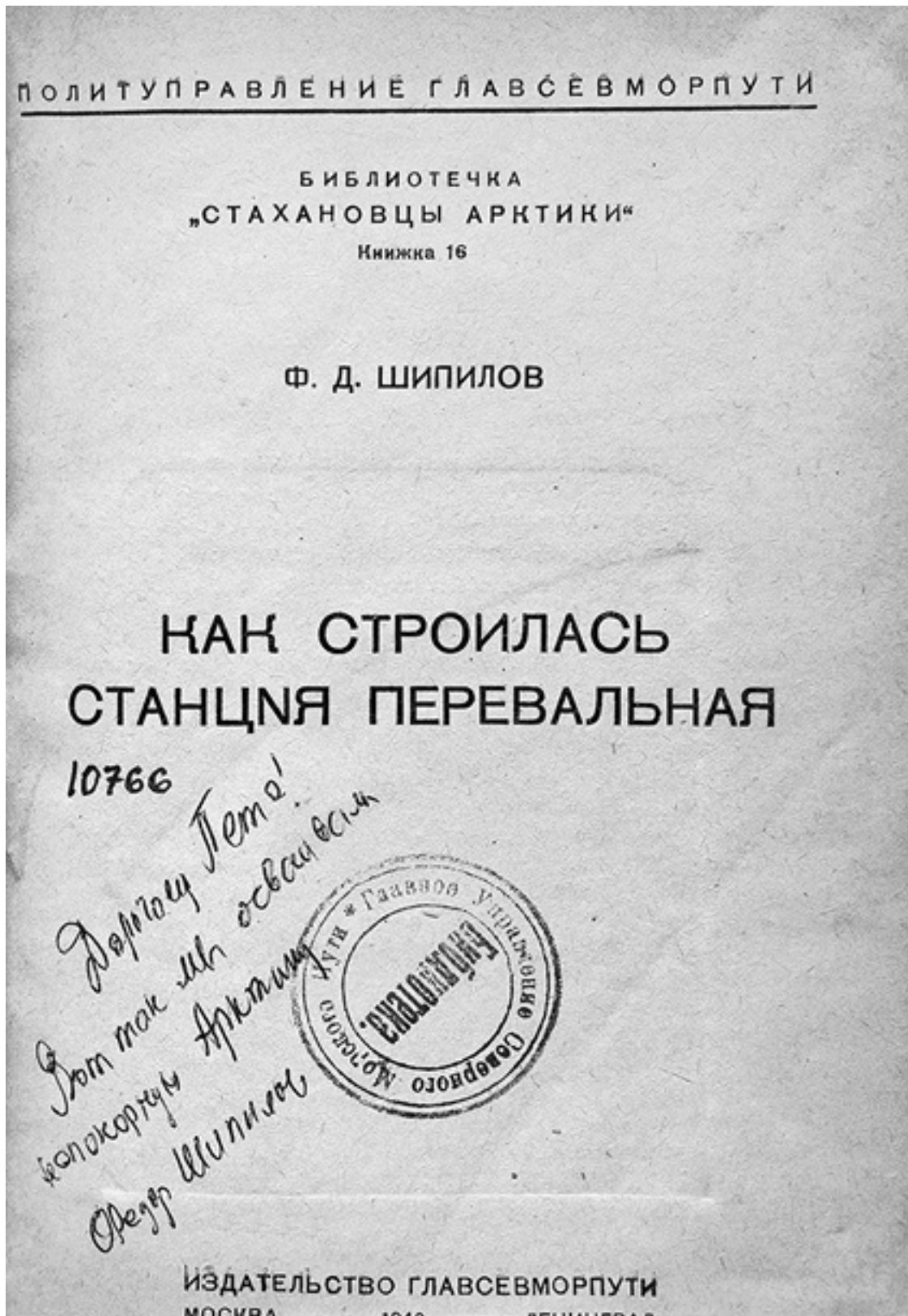
Конечно, на государственном учете такие книги не стоят. А уж если говорить об имуществе, к примеру, многочисленных музеев Ленина в бывших братских республиках – то и подавно: они вывозились грузовиками на переработку. Но наличие печатей на них, причем в большинстве случаев даже без дополнительного штампа «погашено», может быть причиной беспокойств.

Помню времена, когда органы начинали поиски какого-нибудь краденого библиотечного имущества либо же просто желали уличить антиквара или коллекционера в том, что он «скупает краденое», чтобы сделать его сговорчивей. Если происходил такой рейд, то в букинистический магазин или домой к книголюбу приходили сотрудники Министерства добра и правды. Они, как правило, искали книги с библиотечными штампами, не особенно вникая, что это за знаки. Просматривать все книги, много сотен полок, желания у них не было никакого, и обычно книжник сам что-то «выдавал добровольно». Если это был антикварный магазин, то с сотрудниками часто приходил помощник под видом «независимого эксперта», по каким-то причинам заинтересованный в этой роли выступить (а таких доброхотов всегда в избытке). После того как книги были найдены или выданы владельцем и внесены в протокол, они увозились для небыстрой экспертизы, и через полгода-год приходилось ехать и забирать их самому, потому что ничего предосудительного обнаружить не удалось.

Может показаться, что книга со штампом, да еще и с дополнением «погашено», не вызывает никаких вопросов, а уж тем более не представляет опасности. Но придется доказывать, что вы не верблюд и книга не украдена, а это хлопотно. Ведь акты списания, даже если все книги там перечислены, по большей части крайне лаконичны: книга описана в двух-трех словах, однако в большинстве случаев и самих актов не осталось, поскольку эти документы имеют ограниченный срок архивного хранения. М. Я. Чапкина в свое время сетовала, что на рубеже 1980–1990-х годов огромное число ведомственных библиотек распродалось вообще без всяких актов – на грузовик составлялся один документ без перечня и даже без штампа «погашено» на книгах.

Но такие примеры бывали и ранее. Скажем, я вырос в Доме полярников, который строился большим ведомством под названием Главсевморпуть. Это ведомство – в 1930-х годах всеильное – получило в 1932 году от руководства страны здание неподалеку от ЦК, в Ипатьевском переулке (между Ильинкой и Варваркой), и находилось в прямом подчинении Совнаркома, и только в 1953 году оно перешло в ведомство Министерства морского флота СССР. Но в 1963 году здание Главсевморпути, находившееся на задах комплекса ЦК КПСС, понадобилось при реконструкции этого комплекса зданий, и для высвобождения был избран самый простой путь: в 1964 году Главсевморпуть как самостоятельная организация ликвидируется, ее полномочия разделяются между Министерством морского флота, Главгидрометом и другими структурами, имущество ликвидируется. Что смогли – перетащили в здание Министерства морского флота (но при пожаре 1998 года все сгорело вместе со зданием); на книги никто не претендовал, и помещение не было предоставлено. Так библиотека Главсевморпути не поехала в 1964 году никуда – ее списали целиком в макулатуру (что объяснялось еще и тем обстоятельством, что библиотеки организаций-преемников были схожими по репертуару). В результате частично книги были взяты сотрудниками себе домой; и в любой квартире нашего дома, кото-

рый до того времени также относился к ведомству Главсевморпути, оказалось какое-то число книг из этой библиотеки – все зависело от научных интересов конкретного человека. И старые полярники даже в 1990-х годах подписывали мне иногда свои книги, но экземпляры эти происходили из бывшей библиотеки Главсевморпути. Например, одну из них подарил друг нашей семьи Ф. Д. Шипилов (1909–1998).



Книга Ф. Д. Шпилова (1940) с печатью библиотеки Главсевморпути, в 1991 году подаренная автором

Обмены

Случаи, когда государственный музей или библиотека исключают некоторый предмет из своих фондов по причине обмена, – крайне редки, и даже исключительны. Это происходит, во-первых, из-за процедурной трудности в осуществлении такого предприятия. Ведь нужно не только заинтересовать конкретный музей или библиотеку, но и преодолеть основную инстанцию – Министерство культуры, которому необходимо провести такой акт обмена, то есть министр должен своим приказом исключить какой-то предмет из состава музейного фонда.

В большинстве случаев руководители библиотек и музейев не хотят и начинать такой процесс, даже если сама идея обмена им кажется соблазнительной. Как-то раз мы с коллегой пытались выменять в одной из крупных библиотек экземпляр книги в особом переплете, который был нужен нам для коллекции. В обмен мы предложили ровно такое же издание, но в обычном переплете, плюс книгу из библиотеки Ж.-Ж. Руссо с его автографом и пометами. Желание библиотеки было горячим, но дирекция не стала связываться с Министерством культуры, и обмен не осуществился; прекрасная книга из библиотеки Руссо осталась в нашей коллекции, что оказалось для нас даже лучше.

Но известны и прецеденты таких обменов. Например, такой вот случай: 17 марта 2003 года министр культуры России подписал приказ № 286 «Об исключении музейного предмета из музейного фонда Российской Федерации...». Этим документом утверждался следующий обмен: коллекционер А. И. Боровков передавал Государственному музею В. В. Маяковского рукописный альбом Ю. И. Юркуна с шестьюдесятью автографами и рисунками писателей и художников Серебряного века, «представляющий для Государственного музея В. В. Маяковского большое историко-культурное, художественное и музейное значение», а получал взамен книгу А. Е. Крученых «Вселенская война» 1916 года. Вероятно, альбом Юрия Юркуна представлял исключительную ценность и был настолько нужен музею, что за него не только отдали одно из самых знаменитых и дорогих изданий русского авангарда, но и сумели оформить этот обмен в соответствии с законодательством.

Кражи

Еще один способ, которым книги поддерживают закон круговорота вещества в природе, – кража их из книгохранилищ. Способов тому множество, да и сама история таких краж подчас крайне занимательна: вспомнить хотя бы служителя Императорской Публичной библиотеки в Петербурге «горбуна» Алоизия Пихлера, который в своем мастерски сделанном искусственном горбу уменьшил на несколько тысяч томов численность фондов, пока не был пойман в 1871-м.

С тех пор мало что изменилось. Воруют. И воруют много. Мы узнаём подчас только о громких кражах, когда выносятся либо целые тюки, стоимость которых может равняться «коробке из-под ксерокса», либо же отдельные книги, которые стоят дороже золота. Но в абсолютном большинстве краж книг происходит без огласки, и из года в год бредут книжечки своими тропками из застенков библиотек на свободу. Как показывает лента новостей, не застраховано от этого ни одно хранилище, и надежда только на технические средства защиты, а также на честность тех, кто избрал своей профессией служение книге.

В советские годы довольно часто издания выдавались на абонемент, особенно в ведомствах и вузах. И вот в этих случаях читатель брал книгу и «терял» ее, особенно это было характерно для профессуры, которая имела абонементы в главных библиотеках страны. В результате

такой забывчивый читатель или выплачивал символическую стоимость, или приносил что-то взамен «потерянной». И если за кражу книг можно было поплатиться, то такая забывчивость не наказывалась. По этой причине многие абонементы со временем переставали выдавать особенно ценные книги на дом.

Наиболее частый способ – когда некто, устраиваясь работать в библиотеку, каким-то образом выносит и затем сбывает книги. Это уже трудоемкий вариант, собственно, настоящее спланированное преступление: для того чтобы выбрать книгу, требуется хоть какая-то квалификация (ибо для обычного человека дорогая книга – это обязательно толстая, старая, тяжелая). Поэтому, как показывает судебная практика, создаются альянсы таких людей с книжниками-наводчиками, которые конкретно указывают, что и где нужно изъять из государственного фонда.

Но одно дело – украсть книгу, а совсем другое – получить за украденную книгу деньги. Последняя процедура наиболее опасна для вора, и именно на этом у государства порой встречается возможность обезвредить преступника и, главное, прекратить планомерное расхищение фондов библиотеки.

Для того чтобы уберечь книжные фонды, книги клеймятся различными штампами, печатями, снабжаются владельческими знаками-экслибрисами... Словом, делается все, чтобы обезопасить каждую конкретную книгу или рукопись от похищения. Именно из-за такого целеполагания книга с печатью, равно и книга со следом печати, несет на себе некоторый признак ущербности. Не все столь категоричны, но в действительности наличие на книге подобных владельческих признаков – серьезный дефект, сильно умаляющий ценность (и, соответственно, материальную стоимость) коллекционного экземпляра.

Библиотечные печати

Печати ставятся на различных страницах книги. Причем практика (традиция) различных библиотек диктует различное расположение. Общепринятое – титульный лист, низ 17-й страницы (поскольку она традиционно в книгах обычного формата является первой страницей второй тетради), низ последней страницы. Бывает, что дополнительно штамп ставится внизу на 33-й странице (первый лист третьей тетради), иногда на 41-й или 101-й страницах, тоже внизу, как вариант – на обороте иллюстраций или вкладок. Этими страницами обыкновенно ограничивается фантазия библиотекаря. Иногда встречаются такие экземпляры, на которые невозможно смотреть без слез, настолько обезображены они печатями (областные библиотеки в этом впереди всех). Книги в музейных собраниях, в том числе некоторых отделах редких книг главных библиотек, последние лет двадцать-тридцать штампуются более милосердно, чтобы не обезобразить экземпляр. Порой это небольшой штампик на обороте титульного листа или даже на втором форзаце.

Поскольку наличие любых печатей играет огромную роль в ценообразовании, то книга без печатей и книга с печатями – это совершенно различные вещи. Есть коллекционеры, которые никогда не оставят себе экземпляр с библиотечной печатью, особенно если эта библиотека до сих пор существует. А потому история книжного собирательства и книжной торговли знает множество способов, которыми владельцы «лечили» штемпелеванные книги, или, как их называли, – «книги с колотухами», «книги с синяками» и тому подобное.

Наиболее употребительным был способ «юный химик», когда печать на книге выводилась химическими средствами. Нужный лист мог выниматься из книжного блока, и печать обрабатывалась химическим раствором (для этого употребляли уксусную эссенцию и другие доступные реактивы), затем промывалась водой. Главное, что может тут обеспечить успех, – это бумага, и чем она хуже, чем больше в ней примеси древесной массы, тем более заметны манипуляции. Тряпичная бумага XVII–XVIII веков – напротив, часто выбеливается настолько

хорошо, что не имеет никаких следов печати; бумага же XX века так сильно страдает при травлениях, что навсегда меняет свои физические свойства. Но в любом случае от таких обработанных листов почти всегда исходил резкий химический запах; особенно тогда, когда нейтрализация штемпельной краски происходила без изъятия листа из книжного блока.

Этот способ употреблялся только для нейтрализации чернил и штемпельной краски, потому как типографская краска не удаляется при таких манипуляциях, и ее нейтрализация возможна только физически – скальпелем или лезвием. Случаи, когда печати с книги удалены безукоризненно, – редки, и чем более наработан глаз букиниста, тем легче ему распознать такие экземпляры. Листы, которые вынимаются для удаления печатей, чаще всего после промывки немного меняются в размерах, отличаются они и по тону от основного блока, поскольку при обработке неминуемо выбеливаются. А обычное в таких случаях использование чая для финальной промывки листа хотя и убирает нарочитую белизну, но не всегда дает бумаге нужный тон. То есть различить «мытые» экземпляры бывает нелегко, но квалифицированному эксперту эта задача вполне по силам.

Здесь ремарка. Иногда на место листов с печатями переставляются листы из чистого экземпляра, часто так улучшается либо экземпляр в особом переплете, либо с автографом. И в этом случае также может сложиться впечатление мытых листов, если хранились экземпляры различно (а это почти всегда так), тогда как это просто несколько отличающиеся по оттенку подлинные чистые листы, но происходящие из другого экземпляра. Тут стоит вспомнить случаи, когда в XIX веке в Императорской Публичной библиотеке из нескольких неполных экземпляров какого-либо славянского инкунабула или издания Франциска Скорины формировали «эталонный» полный экземпляр.

Порой следы печатей настолько заметны, что присущее таким явлениям название – «синяки» – вполне отражает суть. И много кто, в том числе и автор этих строк, обходил такие экземпляры стороной. Ведь наличие «синяков» свидетельствует о том, что книга была «вылечена», а вот от чего именно – может показать только экспертиза при исследовании штампа: если краску можно было химически нейтрализовать, то ее можно и проявить обратно. А что там проявится – вопрос вопросов...

Но многие собиратели смотрят на печати без особенного пренебрежения, причем некоторые даже видят в ее наличии существенный факт для понижения цены и с аппетитом скупают такие книги. Был в свое время коллекционер, которого знала вся Москва, – Виктор Маркович Янко. Не то чтобы богатый для ситуации 1990-х годов, но обеспеченный тогда, когда это было заметно на общем фоне; источником благосостояния он имел свечной заводик в виде мебельной фабрики и с конца 1980-х собирал книги. Прежде всего он покупал издания, входящие в «Каталог нелегальной и запрещенной печати XIX века», и достаточно было ему сказать номер – он говорил, нужна ему книга или нет. Щедрость он особенно не проявлял, а торговался так, что впору представлять его за изготовлением обуви. Но за недостающие книги этого раздела он платил какие-то деньги, а поскольку за 70 лет советской власти Искандер и К^о сильно всех утомили, то В. М. Янко оказался едва ли не монополистом на рынке книг этого сегмента (конкурировал с ним в тот момент, да и то частично, только собиратель прижизненных изданий Льва Толстого И. Ю. Охлопков). Но это – только вершина айсберга по имени Янко. Дело в том, что он за несколько лет скупил не одну тысячу разного рода «толстых обоев», а также книг гражданской печати XVIII века (на цельные комплекты или отдельные книги он обычно жалел денег), причем поскольку основным «собирателем комплектов по отдельным томам» на рынке изданий XVIII века долгое время был Юрий Петрович Тушин, довольно рано понявший разницу цены томов и полного комплекта, то В. М. Янко доставалось то, что не взял Ю. П. Тушин. Но особенно Виктор Маркович был любителем многотомных изданий XIX – начала XX века по экономике, географии, истории, статистике... И почти все это у него было в отвратном виде, с библиотечными штампами всех возможных мастей; более того, в нем видели единственного

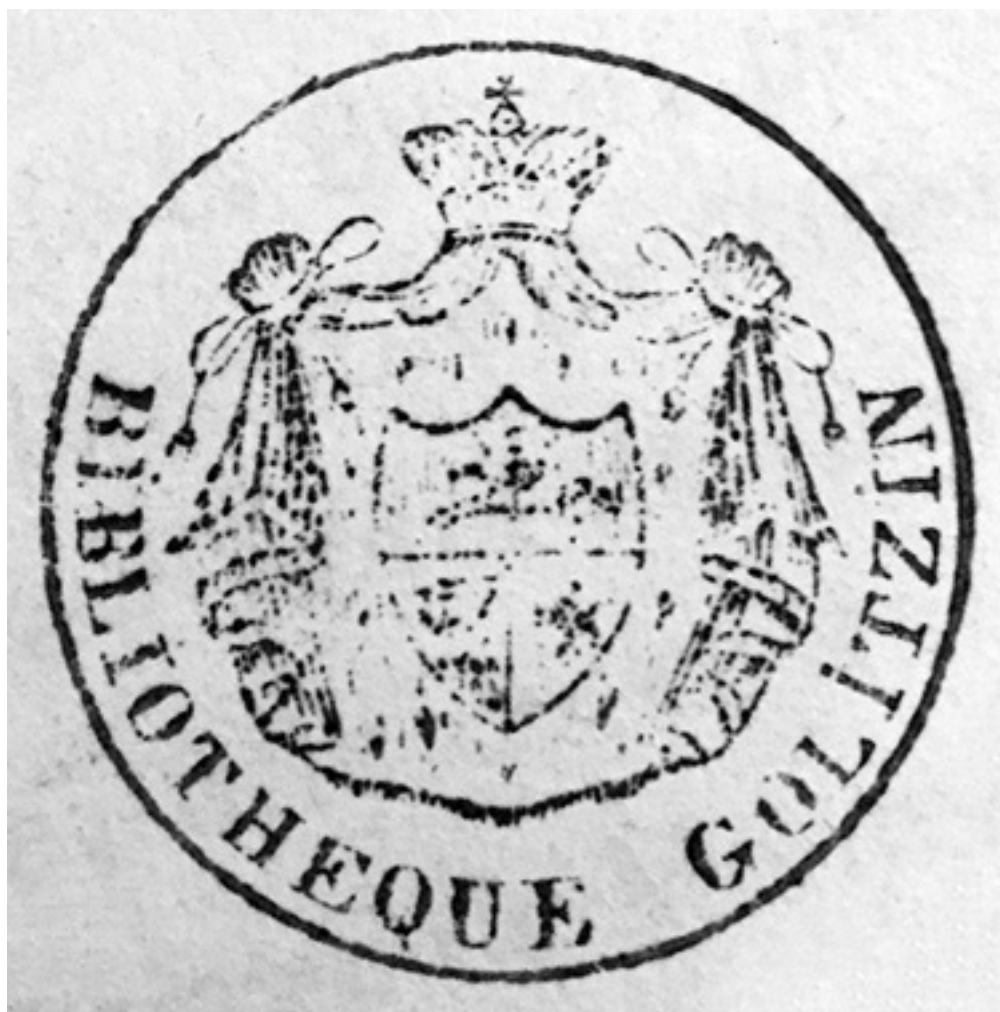
покупателя, который заплатит хоть что-то за комплектную книгу, если она «библиотечная». Конечно, сейчас бы эта книга была уже «вылечена» и продана дорого, но в те годы, когда и ксерокс-то не всем был доступен, он был незаменим для продажи «гнутых» книг, как называли экземпляры с сомнительным provenance. И если других людей страшила мысль о том, что милиция может заинтересоваться происхождением этих волюмов, то Янко об этом даже и не думал – ему нужно было в своем кондуите увеличить общее число томов собрания. В деле подсчетов он был всегда щепетилен (кажется, имел профессию то ли статистика, то ли экономиста бухгалтерского толка) и, преодолев очередную высоту, скажем пять тысяч томов, всегда ставил нас в известность о передвижении планки мирового книгособирательского рекорда. Но сколько бы ни собрал Янко книг, главным качеством была их, как говорили, «гнутость», то есть за коллекционера его в общем-то даже не считали.

«Резать к чертовой матери, не дожидаясь перитонита»

То есть до начала 2000-х годов со штампами на книгах боролись либо химическим способом, либо же просто вырезали их отовсюду и подклеивали место резекции чистым листиком бумаги. Последнее нарочито заметно, но все-таки лучше, чем штамп библиотеки. Формально книга с вырезами – уже дефектная, но точно не библиотечная, хотя стоимость ее сильно падает по сравнению с обычным экземпляром.

При этом ныне книг со штампами развелось настолько много, что возникает ощущение, будто торгуют только ворованным (или списанным) имуществом, а коллекционных экземпляров становится все меньше и меньше. И чтобы победить такую ситуацию, был придуман новый способ, которого не существовало на излете XX века. Оказалось, что при помощи копировальной техники опытный пользователь может отсканировать нужную страницу или титульный лист, распечатать такой лист заново на принтере и поставить на то место, где была страница с печатью. Основная сложность такого способа – подобрать бумагу, чтобы глаз не «цеплялся»; а если глаз не зацепится за различие бумаги, то не будет пристрастного рассмотрения, ведь плоская печать копировального устройства отличается от высокой типографской печати. Когда для такого мероприятия употребляется цветная копировальная техника, то методом проб и ошибок можно распечатать лист практически тон в тон с основным блоком, и главным будет плотность и фактура бумаги замененного листа.

Причем если подобрана аутентичная бумага, то даже книги XVIII века могут быть с замененными листами, и это не бросается в глаза. Бумага XIX–XX веков, поскольку имеется множество источников для подбора аналогов, также дает большой простор для такого рода реставрации... Есть специалисты своего дела, которые столь качественно изготавливают листы, что любой музей позавидует их умению и с удовольствием закажет муляжи книг или рукописей для экспозиции.



Оригинальный гербовый штамп библиотеки М. А. Голицына (1804–1860)



Новейшая реплика, сделанная выворотню для иных целей

Как относиться к таким манипуляциям? С одной стороны, замененные листы – это полностью новые листы, и книга оказывается в действительности дефектной, с восстановленными страницами. К тому же, наверное, с годами такие листы будут иначе физически стареть, и правда покажет себя. Но, с другой стороны, книга с печатями, пусть даже библиотеки какого-нибудь давно несуществующего вуза или завода из братской республики, всегда подозрительна, всегда ловит пренебрежительные взгляды... И далеко не каждый приобретет такую. Конечно, есть разряд книг – безусловных и исключительных, – которые вожаделенны для коллекционера в любой сохранности, но обычная антикварная книга от штампа всегда теряет и в цене, и в привлекательности.

И замена листов, которую порой можно распознать только опытным глазом, представляет собой, по сути, коммерческую реставрацию, что нередко происходит с книгами просто дефектными – когда вместо недостающих страниц или иллюстраций добавляются реставрационные копии. То есть если выбирать из двух зол – книга с библиотечными штампами и книга с восстановленным титульным листом – здоровый выбор будет на стороне последней. По крайней мере, эта книга не принесет своему владельцу тех неприятностей, которые исходят от книги с любыми библиотечными печатями, пускай и давно не существующих библиотек.

Клин клином

Ну и наконец, нововведение начала XXI века – согласуясь с русской пословицей «клин клином вышибают». Этот остроумный способ выглядит следующим образом: умник заказывает в конторе «Печати и штампы» резиновую печать стандартного для нынешних казенных печатей размера или немногим меньше; важное условие – чтобы текст (рисунок) этого штампа был исполнен не традиционным способом, то есть имел бы штриховой оттиск на белом фоне, а наоборот – чтобы фон оттиска был с краской, а текст или рисунок – пробельным; как часто говорят – выворотным. В качестве исходного образца для такого изображения берется фото подлинного книжного штемпеля какой-либо частной библиотеки XIX века, обычно традиционного (штрих/текст на белом фоне), но заказывается в выворотном исполнении. При нанесении такой печати на имеющуюся на книге печать государственной библиотеки последняя оказывается невидимой: поверх нее нанесена новая, полностью закрывшая прежнюю (вспомним что такое палимпсест в кодикологии).

Приведем пример: в XIX веке известен штемпель библиотеки князя С. М. Голицына с родовым княжеским гербом и текстом внизу «Bibliothèque Golitzin». По оттиску этого штемпеля некий находчивый книжник заказал новую печать, уже выворотную, и последнее время книги из «библиотеки Голицыных» с такой вот крупной черной печатью мелькают на антикварном рынке: порой для сокрытия прежней библиотечной печати, или же просто для придания культурной (и соответственно материальной) ценности ординарному экземпляру. Конечно, никто не догадывается, что это за гербовая печать и для чего она в действительности была поставлена. И уж подавно не приходит никому на ум, когда именно она поставлена.

Библиофилы

Слово «библиофил», как всем хорошо известно, переводится с греческого языка как «книголюб» или же «друг книги». Но если вплоть до XX века такое именование человека носило в значительной мере хвалебный оттенок, то теперь – в наступившем XXI веке – применительно к ныне здравствующему человеку несет оттенок насмешки. И немудрено: многочисленные определения человеческих наклонностей, оканчивающиеся на *-фил*, обычно описывают нам субъекта, увлечение которого носит характер тайной и даже запретной болезненной страсти.

И в наступивший век, когда и в России, и за границей те, кто собирает книги, зовутся или собирателями, или коллекционерами, осколки былого величия библиофильских организаций смотрятся как клубы любителей книги при вагоноремонтном заводе или мыловаренном комбинате. Они проводят собрания, делают доклады, печатают программки заседаний «библиофильским тиражом», подбирают их отiski на различной бумаге...

Но время ушло так далеко вперед, что невозможно повторить тот исторический опыт, которым стали в свое время Русское общество друзей книг в Москве или Ленинградское общество библиофилов. То были уникальные и неповторимые исторические моменты – ведь тогда, в 1920–1930-х годах, книга объединяла совершенно иных людей, которых ныне природа уже давно перестала производить. Ни знаний, ни ума, ни их образованности в нашем веке уже и не сыщешь.

Поэтому если некто и имеет ныне крупное или выдающееся собрание редких книг, то он вряд ли пойдет на встречу с «библиофилами» или же пополнит ряды «бессмертных» – у него на такие похождения нет ни времени, ни желания. С другой стороны, если у кого-то имеется неудовлетворенная страсть к общественному признанию или если над кем-то довлеет прошлое партийного функционера, профсоюзного или комсомольского деятеля, лектора по научному коммунизму, тогда ему прямая дорога в библиофилы, причем не столько в библиофилы, сколько в их «директоры». Без особенного труда, но при наличии организаторских способностей или финансовых/административных ресурсов можно будет создать подобие первичной парторганизации, заведя в ней те же самые принципы, что и в годы советского прошлого. Как раньше все были в подчинении парторга и часто заискивали перед ним, надеясь получить от этого пользу (поездку за границу или новую должность), а, прославляя партию вообще, в действительности прославляли своего руководителя, так и в обществах библиофилов, прославляя книгу – прославляют и партактив (функционеров) так называемого библиофильского движения, всячески поддерживают культ руководителя, в надежде, что и им достанется доля славы и почета. Руководители же – упиваются собственным величием безотносительно места и времени.



«Библиофил». Гравюра на дереве по рисунку Ж. Гранвиля (1842)



«Бюро жалоб». Гравюра на дереве по рисунку Ж. Гранвиля (1842)

Словом, большинство действительно значительных коллекционеров нашего времени старается не связывать свое имя с общественными организациями и объединениями. Это им совершенно ни к чему. Достаточно пересмотреть перечни членов библиофильских организаций, чтобы не только осознать это обстоятельство, но и сделать собственный выбор.

Библиофильские издания

Говоря о так называемых библиофильских изданиях, следует четко осознавать их особый, специфический характер. От основной массы издательской продукции минувших столетий их отличает то обстоятельство, что изданы они были не как обычные книги – для чтения, – а именно в качестве предмета коллекционирования для библиофилов, то есть преимущественно только для бережного хранения; исключение – литература по собирательству, которая все-таки приносит пользу и своим содержанием тоже. Но именно это разделение можно считать основным: обычные люди покупают книги для чтения, а коллекционеры – лишь коллекционируют и не читают, потому что чтение неминуемо отразится на сохранности экземпляра. Конечно, книги, изданные в качестве библиофильских, могут «спускаться с небес на землю» – попадать в руки обычных читателей; часто в виде подарка, наследства, случайной покупки... Однако от такого нравственного падения ощутимо изменится только их сохранность, но не первоначальная издательская суть.

И потому вряд ли стоит называть «библиофильскими» издания таких выдающихся печатников прошлого, как, скажем, Джамбаттисты Бодони в Парме или Платона Бекетова в Москве. Просим прощения у некоторых, кого смутит столь смелое сопоставление, но сразу оговоримся – типография Платона Бекетова, сильно претерпевшая от московского пожара 1812 года, была уникальным явлением для России начала XIX века, и немногочисленные ее издания, не слишком оцененные современниками, ныне являют собой выдающиеся памятники русского типографского искусства.

Но если говорить именно о библиофильских изданиях, то этот феномен получил свое развитие в Европе во второй половине XIX века, когда во Франции начался бум на такие книги, весь тираж которых либо его часть выходили перенумерованными – когда варьировалась бумага в разных частях тиража, когда прикладывались дополнительные сюиты иллюстраций и так далее. Собственно, этим «пошла в народ» давняя традиция французских издателей, которые еще с XVIII века долю тиража печатали для подношений монархам или адресуясь к щедрым ценителям: они не просто печатали часть тиража на особой бумаге (что было обычным правилом в типографической практике XVIII–XIX веков), но всячески «улучшали» особые экземпляры – это были приложенные оригинальные рисунки или же сюиты пробных отпечатков иллюстраций. Но если те же особые экземпляры изданий типографии Дидо XVIII века были единичны, начиная с середины XIX века французские типографии соревновались между собой за деньги библиофилов, изготавливая одну книгу порой в более чем десяти вариантах, с различной нумерацией (имею в виду арабскую для более дешевой части тиража и римскую – для «особой»), при этом издавая еще и специальные экземпляры «сверх тиража»... Словом, этот сегмент в Европе быстро превратился в некоторую «динамично развивающуюся» область книгопечатания, которая пыталась таким образом сохранять исключительность печатной книги в наступившей эре массового книгоиздания.

Естественно, что на фоне того безбрежного моря, которое представляло собой книгоиздание со второй половины XIX по первую половину XX века, должен был существовать островок для «ценителей настоящей книги», в основном просто богатых людей, за счет которых и развивалась область так называемых библиофильских изданий. Именно поэтому ныне, когда берешь в руки большинство из них, главная их прелесть – в замечательной бумаге, тогда как и шрифт, и иллюстрации, да и зачастую самый текст оказываются образчиком нелучшего вкуса.

При этом такая всеевропейская мода неминуемо должна была оставить среди множества библиофильской продукции как вполне качественные образцы, так и несомненные шедевры. Обычно последние связываются с участием в издательской деятельности какого-либо даровитого художника или же блестящего эстета в области шрифта и типографического искусства

вообще. Многие вспомнят в этой связи англичанина Уильяма Морриса и его Kelmscott Press и будут совершенно правы. Или же то множество книг, иллюстрации к которым были выполнены лучшими европейскими художниками и отпечатаны литографией братьев Мурло в Париже; да и вообще: книги, снабженные оригинальными иллюстрациями Анри Матисса, Марка Шагала и других художников столь же выдающегося дарования и известности, оказываются наиболее значительным, особенно в ценовом плане, сегментом в области библиофильской книги.

В России же библиофильское книгоиздание шло, как и все остальное, своим собственным путем. Во-первых, само развитие этого жанра сильно запоздало: по-настоящему библиофильские издания появляются в России только к концу XIX века, притом и они единичны. Это фолианты В. Г. Готье, который выпустил в роскошном, но одновременно изящном исполнении произведения А. С. Пушкина. В отечественном книгоиздании вообще изящность редко уживается с роскошью: как только преследуется цель выдать в свет нечто дорогое, то вкус и изящество спешно уступают место «богачеству». Но в данном случае издателю удалось обогатить русскую полиграфию действительно замечательными книгами – в 1891 году вышла в свет «Капитанская дочка», в 1893 году – «Евгений Онегин»... И хотя считается, что основная ценность этих книг в иллюстрациях П. П. Соколова, в действительности главное их достоинство – в высочайшем уровне полиграфического исполнения, бумаге, типографическом наборе, удачно избранном формате (малая четвертая доля)... Словом, именно в том, что отличает библиофильское издание от рядового.

Как кажется, помыслы В. Г. Готье в действительности являли собой попытки привить на русской почве французские традиции, притом попытки в общем-то неудачные, потому как численность публики, готовой откликнуться на такие издания устойчивым платежеспособным спросом, была на удивление мала. Начинание это сразу захлебнулось, если говорить о какой-то массовости библиофильского книгоиздания.

Собственно, в дореволюционные годы мы можем назвать только одно издание, истинно библиофильское – напечатанное А. С. Сувориным в 1888 году «Путешествие из Петербурга в Москву». Но оно обязано своим успехом и известностью не библиофильскому характеру – хотя напечатано чисто, а слоновая и японская бумага взяты хорошего качества, – а исключительно тексту этого произведения. Цензурный запрет на это творение Радищева, снятый сугубо ради малотиражного выпуска для библиофилов, принес издателю серьезную материальную выгоду, а самой книге – известность. Но, как бывает с библиофильскими изданиями, оно в любом печатном каталоге провозглашается в качестве «библиофильской редкости», обсуждается корректурный недосмотр, когда А. Н. Радищев стал А. И. Радищевым, а на деле – книга встречается с завидным постоянством, просто достаточно дорого оценивается. При этом, говоря о частном случае суворинского Радищева, нужно отдать должное издателю, напечатавшему, имея на то возможность, много больше заявленного числа экземпляров, которые ныне и попадают наряду с учтенными. В таковых обычно не был проставлен (или проставлен иначе) номер экземпляра.

Также в дореволюционной России делались попытки развить и другую область библиофильского книгоиздания – миниатюрную книгу. Не слишком сочувствуя ее собирателям, скажем, что и здесь есть несколько действительных шедевров. Прежде всего – издание басен Крылова 1855 года, которое было у нас только один-единственный раз, да и то мы не смогли тогда его удержать, а потом оно, по непререкаемому правилу антикварной книги, больше нам не попало.

Существует мнение, что и русская футуристическая книга может почитаться «библиофильским книгоизданием», однако вряд ли возможно такое принять сочувственно. Обращение футуристов к нетрадиционным полиграфическим материалам, форматам, формам, видам печати преследовало иные цели, было адресовано иной публике, нежели библиофилы, потому

и предметом собирательства футуристическая книга стала уже по прошествии десятилетий с момента выхода книг в свет.

И понятие, которое ассоциируется в России с библиофильской книгой, связано исключительно с началом XX века, когда, подобно истинно библиофильским европейским издательствам, в России возникли и смогли некоторое время просуществовать несколько центров библиофильского книгоиздания. В дореволюционные годы вряд ли можно отметить издательства – это были скорее полиграфические предприятия, которые оказались источниками таких изданий. Я разумею здесь в первую очередь типографию «Сириус» в Петербурге, основанную тремя увлеченными любителями искусства – М. Н. Бурнашевым, С. Н. Тройницким и А. А. Трубниковым. Вся продукция, которая вышла со станков «Сириуса», – будь то журналы «Старые годы», «Русский библиофил» или же прочие издания, которых, честно говоря, не было столь много (но среди них – «Что есть табак» А. М. Ремизова), по праву считается библиофильской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.